

Алла Игоревна Бегунова
Ангелы смерти. Женщины-
снайперы. 1941-1945
Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653583
Ангелы смерти. Женщины-снайперы. 1941-1945: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1838-3, 978-5-4444-8132-5

Аннотация

В Великой Отечественной войне участвовало около 800 тысяч женщин. В основном это были медики, связистки, регулировщицы, работницы армейских тыловых служб. Однако женщины успешно освоили и некоторые сугубо военные специальности. К числу таковых относится профессия снайпера. Не менее двух тысяч молодых патриоток, добровольно вступив в ряды Красной Армии, окончили снайперские школы в разные периоды борьбы нашего народа с немецко-фашистскими захватчиками. Они стали сверхметкими стрелками, безжалостно уничтожавшими вражеских солдат и офицеров на всех фронтах Великой Отечественной, удостоились наград и почестей. Эта книга, основанная на документах и архивных материалах, ряд из которых публикуется впервые, рассказывает об их подвигах и судьбах, являющихся ярким примером беззаветного служения Отечеству.

Содержание

Вместо предисловия	5
Законы снайперской войны	5
«Листовка-памятка снайперу	6
История первая	16
Степная война	19
На севастопольской земле	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алла Бегунова
Ангелы смерти. Женщины-
снайперы. 1941–1945

© Бегунова А. И., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Вместо предисловия

Законы снайперской войны

Среди сотен экспонатов Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации есть и этот небольшой продолговатый листок. Бумага его пожелтела. Некогда черные буквы теперь выцвели, но прочитать текст все-таки можно. Листок, точнее – листовка, был отпечатан в походной типографии советской 62-й армии, когда она защищала Сталинград зимой 1942–1943 гг. Текст, составленный в штабе армии, завизировал ее командующий – генерал Василий Иванович Чуйков. Листовки раздавали на передовых позициях в перерывах между боями, и они передают накал той невероятно трудной борьбы с немецким фашизмом, которая шла тогда на берегах Волги. Времени для чтения у наших солдат было совсем мало, поэтому суть дела излагалась здесь точно, кратко и достаточно эмоционально:

«Листовка-памятка снайперу

Снайпер – это специально отобранный, обученный и подготовленный к САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ИНИЦИАТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ воин, меткий стрелок, умеющий искусно действовать в боевой обстановке. Задача снайпера – уничтожение важных и опасных целей, появляющихся на короткое время, – решается терпением для выбора удобного момента, чтобы наверняка поразить их. Искусство снайпера состоит в том, чтобы САМОСТОЯТЕЛЬНО найти цель, оценить ее важность и поразить одним выстрелом.

Снайпер обязан не только уничтожать живую силу противника, но и меткой стрельбой парализовать организацию врагом текущей боевой работы. Для этого уничтожь его офицеров; устрой ежечасную охоту на его разведчиков, наблюдателей, связистов, артиллерийских корректировщиков; разбей их наблюдательные приборы; ослепи противника; отучи его ходить в полный рост; заставь его ползать; не давай ему высунуться; посеяй панику среди нижних чинов. Конечная цель снайпера – страх. Появляйся там, где тебя не ждут. Запомни: ПРОТИВНИК ДОЛЖЕН БОЯТЬСЯ!

Снайпер – это охотник. Охотник обязан быть невидимым. Неуязвимость снайпера деморализует противника. Твой метод – скрытность. Твой инструмент – терпение. Учись переносить голод, холод, боль, неподвижность. Только это позволит тебе уничтожить противника везде, даже в глубине его обороны. Противник – зверь. Выследи его и вымани под выстрел. Враг коварен – будь хитрее его. Он вынослив – будь упорнее его. Твоя профессия – это искусство. Ты можешь то, чего не могут другие. Тебе доверяют. За тобой – Россия. Будь беспощаден.

Ты победишь, ПОТОМУ ЧТО ТЫ ОБЯЗАН ПОБЕДИТЬ!»

Вообще-то «snipe» – английское название маленькой, верткой и быстролетающей болотной птички бекаса. Следовательно, «sniper» – человек, ведущий охоту на него из укрытия, стреляющий из ружья «навскидку» и попадающий в цель с одного выстрела. «Sniping» – то есть охота на бекасов – была довольно популярным развлечением среди английских аристократов во второй половине XIX столетия.

Однако совсем другое значение это слово приобрело в период Первой мировой войны. С 1915 года боевые действия на ее фронтах приняли оборонительный, затяжной, позиционный характер. Поля Европы, изрытые глубокими траншеями, ходами сообщения, окопами и рвами, разделенные на участки рядами колючей проволоки, сделались местом, вполне подходящим для новой охоты – за вражескими солдатами и офицерами, которые все реже поднимались в атаки и все чаще прятались от вражеского огня в земляных укреплениях.

Материальные предпосылки для подобной охоты уже сложились.

К этому времени массовое распространение в армиях воюющих стран получили магазинные винтовки с продольно-скользящим затвором, приводимым в действие мускульной силой стрелка. Простые по своему устройству, они обладали высокой надежностью, достаточной скорострельностью, меткостью и дальностью стрельбы при большой поражающей силе пули.

Основной их частью являлся ствол с нарезами внутри. Сзади к стволу примыкала ствольная коробка и помещенный в ней затвор. Под ствольной коробкой располагался магазин, обычно вмещающий пять патронов, и спусковой механизм. Сверху на стволе находились прицельные приспособления. Все это крепилось на деревянной ложе, заканчивающейся довольно массивным плоским расширением – прикладом.

Такие винтовки тысячами штук изготавливали ведущие фирмы-производители оружия. Для австро-венгерской армии – «Манлихер» образца 1895 года: калибр – 8 мм, длина – 1270 мм, вес – 3,65 кг, прицельная дальность – 1950 м. Для германской армии – «Маузер»

образца 1898 года: калибр – 7,92 мм, длина – 1250 мм, вес – 4,1 кг, прицельная дальность – 2000 м. Для английской армии – «Ли-Энфилд № 3, Мк I» образца 1892 года: калибр – 7,71 мм, длина – 1253 мм, вес – 4,2 кг, прицельная дальность – 2560 м. Для русской армии – Тульский оружейный завод, пехотная винтовка Мосина образца 1891 года: калибр – 7,62 мм, длина 1306 мм, вес – 3,99 кг, прицельная дальность – 2700 м¹.

Кроме того, конструкторам в начале XX века удалось удачно совместить магазинную винтовку с оптическим прицелом, который позволял лучше рассмотреть цель и рассчитать расстояние до нее, что оказывало определяющее влияние на меткость выстрела.

Сама по себе оптика, усиливающая возможности человеческого глаза, открытием XX века не являлась. Об «инструменте для смотрения вдаль» люди знали и за триста лет до этого. Однако оптический прицел, установленный над стволом охотничьего ружья, – это достижение 1850 года. Длинный, громоздкий, сложный в изготовлении и потому очень дорогой, он был доступен только весьма состоятельным любителям охоты. О производстве таких приборов, исчисляющихся тысячами штук и предназначенных для солдатских ружей, не могло быть и речи.

Но наука не стоит на месте.

Решающий вклад в усовершенствование оптических приборов внесли сотрудники немецкой фирмы, основанной Карлом Цейссом (Carl Zeiss, 1846–1945 гг.) в городе Йене. Сначала они занимались изготовлением микроскопов. Затем с помощью профессора физики Йенского университета Эрнста Аббе был открыт закон оптики «синусов условия», выраженный формулой « $\sin u / \sin u' = n' / n$ ». Оказалось, эти «условия» должны соблюдаться, чтобы оптическая система давала неискаженное изображение предметов.

Химик Отто Шотт создал новый тип стекла, который привел к появлению апохроматических линз, уменьшающих хроматическую аберрацию. Таковые открытия и сделали оптический прицел более компактным, простым в изготовлении, удобным в использовании.

Благодаря научным изысканиям Карла Цейсса и его сотрудников в Германии возникла целая отрасль промышленности, выпускавшая в большом количестве оптические приборы высокого качества. Так, к 1914 году немецкая армия получила примерно двадцать тысяч винтовок с оптическими прицелами, дававшими пятикратное увеличение. Призванные на военную службу егеря и стрелки-спортсмены, пройдя краткосрочные курсы, пополнили армейские роты – до шести человек в каждой. Они отправились на фронт и начали охоту за важными целями на позициях противника.

Первыми почувствовали на себе появление этих особо обученных солдат англичане. Их потери возросли, хотя активных боевых действий не велось. На первый взгляд, бойцов, которые нечаянно выглянули из окопа, поражали шальные пули, но почему-то они всегда попадали точно в голову. Приметив такую особенность, британское командование решило организовать обучение собственных сверхметких стрелков. Лучшие результаты показывали бывшие охотники, попавшие в ряды королевской армии не только из Англии, но и из Канады, Австралии, Южной Африки.

Вероятно, поэтому названием для новой военной специальности и стало английское слово «sniper». Англичане же разработали некоторые методы снайперской службы: маскировочные костюмы из легкой ткани с нашитыми на них пучками травы и листьями; использование так называемых «скульптмакетов» – муляжей разных предметов (коряг, камней, бревен и проч.), за которыми прятались снайперы, ведя наблюдение за противником; применение на боевых позициях манекенов, одетых в солдатскую униформу, которые помогали спровоцировать выстрел вражеского снайпера и таким образом определить его местонахождение.

¹ Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1986. С. 54–56.

Под влиянием широкой практики на полях Первой мировой войны довольно быстро сложилась программа двухнедельных армейских курсов для сверхметких стрелков. В нее вошло не только доскональное изучение оружия и оптического прицела, практическая стрельба по неподвижным и движущимся мишеням стоя, лежа, с колена, в поле, в лесу, с дерева, но и преподавание законов баллистики, способов маскировки, использования компаса, чтения карты, ориентирования на местности и даже распознавания звуков ночью.

Один из лучших снайперов английской армии капитан Клиффорд Шор, занимавшийся обучением рядовых на курсах, сформулировал философию своей нелегкой профессии. В мемуарах, изданных в Англии уже после Второй мировой войны, он писал:

«Снайперское искусство – это хладнокровное лишение жизни другого человека и своего рода наука, которой нужно учиться и которую необходимо совершенствовать. Часто я слышал мнение, будто бы снайпер должен ненавидеть немцев или другого своего противника, но я на практике убедился в том, что те, кто сильно ненавидел немцев, кто потерял на войне семью, не становились хорошими снайперами. Я предпочитал выбирать людей холодных и уравновешенных, даже флегматичных. То есть охотников, которые не чувствуют ненависть к своей жертве, но считают наиважнейшим для себя подобраться к ней незаметно и уничтожить.

Когда снайпер уже занял выгодную позицию, он ощущает какой-то душевный холод. Меняется темп дыхания, обостряется слух и появляется известное всем охотникам беспокойство. Оно усиливает концентрацию внимания. Рано или поздно, когда в прицел на пересечение линий попадает враг, никаких угрызений совести уже нет.

Настоящий охотник никогда не станет “мясником”. Он не убивает лишь для того, чтобы убивать. Для него неизменно есть что-то волнующее в том, чтобы подкрасться к добыче и поразить ее. В случае удачи у него возникает ощущение, несравнимое ни с чем другим по силе и глубине чувств, которое приводит ум и сердце в состояние огромного воодушевления...»

Первая большая группа военнослужащих для изучения снайперского дела в Советском Союзе была сформирована на базе Стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна в 1929 году. В ней проходили подготовку не только стрелки, но и инструкторы, которые после окончания учебы направлялись в военные округа для создания снайперских школ в дивизиях.

В нашей стране обучение меткой стрельбе из винтовки вела и другая структура – общественная добровольная массовая военно-патриотическая организация ОСОАВИАХИМ, или «Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству». Первые его сформировали в 1927 году. Затем оно объединило около 14 миллионов человек, имея 329 тысяч первичных организаций, 156 тысяч групп, 26 680 команд и 350 отрядов. В них вступали, как правило, молодые люди, которые изучали там основы разных военных специальностей: летчиков, парашютистов, шоферов, дрессировщиков служебных собак, стрелков. ОСОАВИАХИМ имел и несколько собственных Снайперских школ. Три из них – в Москве, Ленинграде и Киеве – отличались хорошо оборудованными классами и тирами, наличием современных образцов ручного огнестрельного оружия, высокопрофессиональным преподавательским составом.

Программа таких Снайперских школ предусматривала занятия в течение 400 академических часов. В нее входили: политическая подготовка – 20 часов; строевая подготовка – 14 часов; огневая подготовка – 220 часов; тактическая подготовка – 60 часов; военно-инженерная подготовка – 30 часов; рукопашный бой – 20 часов; испытания по пройденной программе – 16 часов. Принимали людей, имевших удостоверения «Ворошиловский стрелок» не ниже второй ступени, полученных в соответствующих первичных организациях

ОСОАВИАХИМа. Кандидат также должен был предоставить медицинскую справку, анкету и автобиографию, заверенные отделом кадров по месту его работы.

Можно перелистать учебный план, например, по огневой подготовке. Тема № 1: материальная часть снайперской винтовки и устройство оптического прицела – 10 часов. Тема № 2: призматический бинокль и пользование им – 3 часа. Тема № 3: ручной перископ и пользование им – 2 часа. Тема № 4 занимала 25 часов и называлась «Краткие основания стрельбы». Тут есть и про выстрел вообще, про движение пули по каналу ствола и пороховые газы, про полет пули в воздухе, про дериацию, про поражаемое, непоражаемое и мертвое пространство, про боковое и вертикальное упреждение и, наконец, про «прямой выстрел» (при нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы, дистанция же прямого выстрела обычно составляет примерно 600 метров, он применяется при отражении атаки противника для экономии времени, если некогда крутить барабанчики и выставлять прицел по дальности. – А. Б.).

Курсанты Снайперских школ ОСОАВИАХИМА действительно получали основательные знания по устройству оружия и оптики, по баллистике, по правилам маскировки (военно-инженерная подготовка), доводили навыки в стрельбе до совершенства. Всех, успешно сдавших выпускные экзамены, заносили в особые списки при райвоенкоматах, контролировали и периодически приглашали на стрельбы, дабы они не утратили высокую квалификацию...

При таковой заботе о личном составе Снайперских школ никак нельзя было обойтись без отечественной снайперской винтовки.

В 1931 году долгожданное событие свершилось. Советская оборонная промышленность выпустила первую партию столь необходимых пехоте предметов. За основу взяли знаменитое изделие Тульского завода, изобретенное капитаном Мосиным в конце XIX века.

В отличие от обычной пехотной винтовки образца 1891/1930 года, принятой тогда на вооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии, она имела ствол улучшенной обработки, оптический прицел, мушку с круглым намушником, цельную ложу с прямой шейкой приклада, которая изготавливалась из ореха, рукоять затвора, отогнутую вниз, чтобы при перезарядке она не задевала за оптический прицел. Он, смонтированный над стволом, не позволял вставлять в снайперскую винтовку стандартную обойму, и постоянный срединный магазин снаряжался у нее патронами по одному, что, конечно, отражалось на скорости стрельбы. Основные тактико-технические характеристики этого оружия были следующими: вес – 4,7 кг (с прицелом), общая длина – 1232 мм, длина ствола – 729 мм, число нарезов в нем – 4 правосторонних, начальная скорость пули – 865 м/с, емкость магазина – 5 патронов, дальность прямого выстрела по грудной мишени – 550 метров, по ростовой – 770 метров².

Производство снайперских винтовок образца 1891/1930 года и кронштейнов для оптических прицелов с 1932 года вел Тульский оружейный завод (в 1936 году – завод № 173, в 1939 году, после реорганизации оборонной промышленности СССР – завод № 314). Например, в 1939 году он выпустил 35 376 таких винтовок под установку на них прицела «ПЕ».

Поначалу винтовочные оптические прицелы покупали в Германии, у фирм «Геншов унд К°» и «Карл Цейсс». Однако необходимость собственного их производства для руководства Наркомата обороны была очевидна. В 1925 году на Подольском оптическом заводе приступили к проектированию прибора. Оно велось при активной помощи берлинских «кама-радов». Через пять лет первые экземпляры отечественного оптического прицела, имевшего название «ПТ образца 1930 года», стали понемногу поступать в войска. Он имел четырехкратное увеличение, механизм введения горизонтальных и вертикальных поправок и муфту

² Федосеев С. Снайперские винтовки. М., 2009. С. 96.

для диоптрийной регулировки окуляра, но вместе с тем являлся далеко не совершенным. Конструкторы продолжали работу, много полезного позаимствовав у германского прицела «Буш». Следующее их изделие получило шифр «ПЕ образца 1931 года», удостоилось полного одобрения специалистов Главного артиллерийского управления и пошло в массовую серию.

«ПЕ» (прицел Емельянова) имел вид металлической трубки длиной 274 мм и весом в 568 грамм и давал четырехкратное увеличение, чему способствовали 9 линз, расположенные у нее внутри. Перекрестье из трех прицельных нитей в окуляре обеспечивало наведение винтовки на цель. На трубке располагались два вращающихся барабанчика: сверху – дистанционный для регулировки угла прицеливания, а слева сбоку – такой же, но для боковых поправок. На кромке барабанчиков размещалась шкала с делениями. В частности, на дистанционном барабанчике – деления от 1 до 13, каждое из которых соответствовало 100 метрам.

Во второй половине 30-х годов конструкторы Симонов и Токарев предложили вооружить Рабоче-Крестьянскую Красную Армию новым ручным скорострельным оружием – автоматической винтовкой. Стрелок мог вести огонь из нее очередями, как из легкого ручного пулемета. Работала она на основе использования пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по стволу. Патронов в ее коробчатом магазине помещалось гораздо больше – 10–15 штук. Самозарядные винтовки Федора Васильевича Токарева – СВТ-38 и СВТ-40 – стали поступать в войска. Последний образец был выбран под снайперское ружье.

Наладить производство «снайперки» СВТ-40 предполагалось на Тульском оружейном заводе № 314. Однако в 1940 году осуществить этот план не удалось. В 1941 году из запланированных 37 с половиной тысяч единиц туляки изготовили 34 782. Затем завод был эвакуирован на Урал и возобновил работу только в марте 1942-го. Но данные сведения позволяют рассматривать «Свету» (так окрестили в армии изделие Токарева) как массовое снайперское оружие.

Его тактико-технические характеристики были следующими: калибр – 7,62 мм, вес – 4,7 кг (с прицелом), общая длина – 1226 мм, длина ствола – 625 мм, число нарезов – 4 правосторонних, начальная скорость пули – 840 м/с, боевая скорострельность – 10 выстрелов в минуту, емкость коробчатого магазина – 10 патронов, дальность прямого выстрела – 530 метров.

Только боевая жизнь снайперской СВТ-40 оказалась недолгой. В октябре 1942 года она была снята с производства из-за своих недостатков, проявившихся на фронте: сильная дульная вспышка, громкий звук выстрела, низкая кучность стрельбы на дистанциях свыше 800 метров, сложность в производстве и сложность в эксплуатации.

Тем не менее на Харьковском комбинате НКВД имени Дзержинского в 1940 году для СВТ-40 создали еще одну, улучшенную модификацию винтовочного оптического прицела, получившую обозначение «ПУ» (прицел укороченный). Сперва он предназначался только для войск НКВД, но затем, в силу своих явных преимуществ, получил очень широкое распространение. Впоследствии его устанавливали и на снайперскую магазинную винтовку образца 1891/1930 года. Вскоре производство харьковского прицела освоили на другом, более мощном предприятии – заводе № 357 Наркомата вооружений в Ленинграде. Завод к концу 1940 года выпустил 15 тысяч штук «ПУ» для армейских подразделений. В Харькове сделали еще 5,7 тысяч штук.

Сравнить два прибора позволяет таблица:

	«ПЕ»	«ПУ»
Увеличение, крат	4	3,5
Поле зрения, градусы	5,5	4,5
Удаление выходного зрачка, мм	7	6
Вес, граммы	598	258
Длина, мм	274	167
Высота, мм	51	40
Количество линз, штук	9	9
Количество деталей	71	52
Количество резьбовых соединений	10	6
Количество частей корпуса	4	1

В постановлении Государственного Комитета Обороны № 311сс «О принятии на вооружение оптического прицела укороченного типа конструкции и изготовления Харьковского комбината НКВД имени Дзержинского для самозарядной винтовки Токарева (обр. 1940 года)» от 18 июля 1940 года с большой похвалой говорилось об этом достижении специалистов оборонной промышленности и предлагалось отметить их труд правительственными наградами...

Так обстояло в СССР дело с вооружением снайперов перед Второй мировой войной. Но точность стрельбы зависит от взаимодействия нескольких компонентов: правильно подготовленный стрелок – оружие – оптический прицел – патрон.

С патроном все просто.

Он состоит из латунной гильзы с пороховым зарядом и капсюлем на дне, а также из пули, закрепленной в гильзе круговым обжимом или завальцовкой дульца. Эти пули бывают разными. Для снайперской стрельбы больше всего подходят патроны с «тяжелыми» пулями образца 1930 года. Ее сердечник – из сплава свинца с сурьмой, а оболочка – из железа с плакированным томпаком. У такой пули имеется суживающаяся хвостовая часть, что дает выгоду в траектории полета, уменьшает потерю скорости. Патрон с «тяжелой» пулей маркирован: ее головная часть окрашивается в желтый цвет. Маркируются и другие патроны: с бронебойной пулей образца 1930 года – головка окрашена в черный цвет; с бронебойно-зажигательной пулей образца 1932 года (Б-32) – головка окрашена в черно-красный цвет; с пристрелочно-зажигательной пулей (ПЗ) – головка окрашена в красный цвет; с трасирующей пулей (Т-46) – головка окрашена в зеленый цвет. Широко были распространены и патроны с «легкой» пулей образца 1908 года. Но они не применялись при стрельбе на расстояние больше 800 метров, поскольку давали большое рассеивание...³

Патроны с «тяжелой» пулей очень понадобились в ноябре 1939 года. Началась советско-финская война. Финны развернули у наших границ на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера армию численностью примерно 600 тысяч человек. Группировка РККА, которая противостояла им, была гораздо больше. Но военные действия отличались упорством и ожесточением. Жители страны Суоми защищались отчаянно, не жалея сил.

«Зимняя война» продолжалась более трех месяцев и закончилась победой Красной Армии. Согласно новому мирному договору, советско-финская граница пролегла на 30 км дальше на север от Ленинграда.

В советское время об этой войне не любили вспоминать. А теперь пишут, что существует несколько устойчивых легенд о ее событиях. Якобы одна из таких легенд – фин-

³ Полная энциклопедия вооружений СССР Второй мировой войны. Составитель Шунков В. Н. Минск, 2010. С. 70–71.

ские снайперы – «кукушки», которые вели огонь, спрятавшись на деревьях в вековых лесах Карельского перешейка, и тем нанесли большой ущерб Красной Армии, поскольку планомерно и методично убивали ее командиров.

Однако есть свидетельства очевидцев. Писатель Леонид Соболев, служивший в то время военным корреспондентом, поведал о боевой работе пары советских снайперов Колобанова и Ситина, которые в зимнем лесу вступили в борьбу с парой таких же снайперов-финнов и уничтожили ее. Правда, молодой и неопытный Ситин тоже погиб, но не от пули, а от разрыва мины.

«Между ветвями он нашел логово “кукушки”. Здесь висели повешенная на сук винтовка с оптическим прицелом, обоймы, мешок с продовольствием, бинокль, фляга – все, что нужно, чтобы просидеть на дереве до смены хотя бы трое суток. Шрапнель визжала и свистела в воздухе, и Колобанов впервые за все время раскрыл рот:

– Толково наши бьют, – сказал он громко. – Где ж им под таким огнем усидеть...

И он поудобнее устроился на ветвях.

Первой его добычей стал тот снайпер, которого он видел спускающимся в укрытие. Едва кончился обстрел, тот высунул голову из окопчика, как крыса, нюхающая воздух. Колобанов подвел мушку своей винтовки к его подбородку, но передумал. Он дал ему взобраться по сосне до половины и тогда выстрелил в затылок. Вражеский снайпер опустил руки и грянулся в снег, и было похоже, будто его подбила шрапнельная пуля...»⁴

Опыт советско-финской войны, в частности, применение так называемого «снайперского террора» при боевых действиях, нуждался в осмыслении и распространении. Но времени на это уже не оставалось.

Вот, например, штат стрелкового полка, который был введен приказом Наркомата обороны за № 04/401 от 5 апреля 1941 года. В нем указано, что количество командного начальствующего состава должно достигать 188 человек, младшего командного состава – 437 человек, рядового состава – 2557 человек. В каждом полку состояло три батальона, в каждом батальоне – три роты, в каждой роте – три стрелковых взвода, один пулеметный взвод и санитарное отделение. В одной роте следовало иметь ДВУХ СНАЙПЕРОВ (по своему званию – рядовых). Таким образом, в трехтысячном стрелковом полку насчитывалось всего 18 сверхметких стрелков, гораздо меньше, чем пулеметчиков. С такими силами никакой террор врагу не устроишь...

Однако трагический опыт первого периода Великой Отечественной войны заставил руководство нашей страны пересмотреть многие довоенные правила и принципы. Агрессор имел большое численное превосходство. На стороне фашистской Германии, предоставив ей крупные воинские соединения, выступили Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия, Словакия, Хорватия. Даже далекая от нас Испания прислала на помощь немцам свою «Голубую дивизию» (20 тыс. человек). Требовалось хотя бы уравнять количество войск противостоящих сторон. Для этого все средства были хороши: пушки, гаубицы и минометы, танки и самоходные артиллерийские установки, самолеты и... тысячи снайперов.

Считается, что массовое снайперское движение зародилось на Ленинградском фронте в сентябре 1941 года. Известен и зачинатель этого движения – Владимир Николаевич Пчелинцев, двадцатидвухлетний сержант 11-й стрелковой бригады 8-й армии Ленинградского фронта. До войны он был студентом Горного института в Ленинграде и в 1939 году окончил Снайперскую школу войск НКВД, потому профессиональными навыками владел уверенно. С сентября 1941-го по февраль 1942 года Пчелинцев уничтожил 102 гитлеровца и выступил с призывом к бойцам Ленинградского фронта досконально изучать методы сверхметкой стрельбы, охотиться на противника повсюду, не давать покоя ему на его позициях, убивать

⁴ Соболев Леонид. Сборник рассказов «Морская душа». М., 1987. С. 269.

безжалостно и точно. Пчелинцев стал первым снайпером, получившим звание Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года он был награжден Золотой Звездой за № 634 и орденом Ленина.

«Первым успехом я обязан своему оружию. Винтовка для воина – его лучший друг, – учил Пчелинцев своих последователей. – Отдашь ей заботу и внимание, и она тебя никогда не подведет. Оберегать винтовку, держать ее в чистоте, устранять малейшие неисправности, в меру смазывать, отрегулировать все части, хорошо пристрелять – таким должно быть у снайпера отношение к своему оружию. При этом не лишнее будет знать и то, что, несмотря на их стандартность, в принципе одинаковых винтовок нет. Как говорится, у каждой свой характер. Проявляться этот характер может, например, в степени упругости различных пружин, легкости скольжения затвора, в мягкости или жесткости спускового крючка, в состоянии канала ствола, его изношенности и т. д. Нередко голодный и продрогший от холода, возвращался я с “охоты” и прежде всего принимался за чистку оружия, приводил его в порядок. Это – непреложный закон для снайпера...»

Цитата взята из его брошюры «Как я стал снайпером», выпущенной в Москве в 1942 году. В ней есть фотография: Пчелинцев, уже лейтенант, окруженный рядовыми солдатами, демонстрирует им действие затвора на винтовке СВТ-40, снабженной оптическим прицелом «ПУ». Понятно его замечание насчет того, что оружие надо «в меру смазывать». Излишняя смазка и загрязнение нередко являлись причиной отказа в работе механизмов капризной и строгой к начинающим стрелкам «Светы». Таковая небрежность могла им стоить жизни...

При поддержке командования Ленинградского фронта снайперское движение при обороне Ленинграда действительно приобрело широкий размах. Способствовали этому и позиционные бои, которые вели противники по обе стороны фронта. К весне 1942 года более четырех тысяч бойцов РККА овладели на полковых и дивизионных курсах первоначальными навыками меткой стрельбы, получили винтовки с оптическими прицелами и успешно вели охоту на фашистов.

Руководство Наркомата обороны отозвалось на это явление народной войны изменением штатного расписания. Согласно приказу № 0052 от 16 марта 1942 года, КАЖДЫЙ стрелковый ВЗВОД теперь должен был иметь ТРИ СНАЙПЕРА, то есть в роте уже находилось девять сверхметких стрелков, против прежних двух. В стрелковом полку – целая команда: 87 человек⁵.

Было и другое. В целях развития снайперского дела и поощрения боевой работы снайперов им по окончании армейских курсов присваивали воинское звание «ефрейтор» и давали повышенный денежный оклад – 25 рублей в месяц (обычному рядовому – 10 руб.). Довольно быстро они могли стать младшими сержантами и сержантами с изменением оклада: по первому и второму году службы – 30 и 35 рублей, по третьему году – 100 и 200 рублей (Постановление ГКО СССР № 174сс от 13 мая 1942 года).

Для всемерной поддержки снайперского движения требовались квалифицированные инструкторы. Поэтому 20 марта 1942 года в селе Вишняки под Москвой открыли Школу инструкторов-снайперов, впоследствии названную Центральной школой инструкторов снайперского дела (ЦШИСД). Но этого оказалось мало. Вскоре при ней создали трехмесячные курсы сверхметких стрелков, а с 18 июля срок их пребывания там продлили до 6 месяцев. В целом за период Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 год, в организациях ОСОАВИАХИМА и «Всевобуча» (Всеобщего военного обучения без отрыва от производства), при военных округах в Школах отличных стрелков-снайперов (ШОСС), в армейских центрах обучения было подготовлено более 400 тысяч снайперов.

⁵ Центральный архив МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 130–131.

Немалое значение для пропаганды и всемерного развития снайперского движения в наших Вооруженных Силах имела встреча группы сверхметких стрелков (в состав делегации входили В. Н. Пчелинцев и Л. М. Павличенко) с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным. Он принял их 28 июля 1943 года в Кремле. Снайперы рассказали Председателю Государственного Комитета обороны о своей службе, попросили помощи в решении некоторых проблем, и эта помощь была им оказана.

Государство не забыло об особом поощрении участников движения. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года в число других знаков отличия для бойцов РККА («Отличный разведчик», «Отличный пулеметчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист» и др.) вошел и знак «Снайпер».

Согласно тексту Указа, им награждались «особо выдающиеся стрелки из числа рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и войск НКВД, а также воины, систематически показывающие высокие образцы отличного владения личным оружием и другими техническими средствами и умелого применения их в бою с нанесением потерь противнику; быстрого открытия и ведения такого поражающего противника огня по закрытым и открытым целям, маскировки личной и маскировки материальной части...»

Выглядел знак красиво: фигурный (варяжский) щит, покрытый рубиново-красной эмалью, наложенный на золотистый венок из дубовых листьев, слово «Снайпер» на белом пояске вокруг изображения серпа и молота, внизу – стилизованное изображение двух скрепленных винтовок Мосина. Изготавливался он из латуни, имел размер 46 × 37 мм.

Личное огнестрельное оружие, владение которым имело столь большое значение в снайперской службе, также выступало в качестве награды для сверхметких стрелков. Им иногда вручали именные винтовки.

В Центральном музее Вооруженных Сил РФ (г. Москва) хранится снайперская винтовка образца 1891/1930 года, принадлежавшая инициатору снайперского движения на Южном фронте политруку Х. Андрухаеву (личный счет – 115 гитлеровцев), после его гибели – гвардии старшине Н. Ильину (личный счет – 494 гитлеровца). В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург) находятся именные винтовки сержанта Н. Никитина (личный счет – 209 гитлеровцев), старшего сержанта Г. Симанчука (личный счет – 174 гитлеровца) и других героев Великой Отечественной войны.

Обычно на прикладе такой винтовки помещалась серебряная пластинка с памятной надписью. Но бывало, что надпись гравировали и на оптическом прицеле. Например, так: «100. За первую сотню с-ту Кухарь И. Н. от команд. 65-й арм. ген. л-та Батова П. И. 2.11.43 г.». Или: «Снайпера сержанта Николая Васильевича Никитина, уничтожившего 209 гитлеровцев. Ленинградский фронт. 1941–1943 гг.»

Среди тысяч сверхметких стрелков, которые на всех фронтах Великой Отечественной вели свою, индивидуальную борьбу с немецкими захватчиками, находились и женщины. В первый период войны это были в основном воспитанницы ОСОАВИАХИМа, получившие удостоверения «Ворошиловский стрелок» в первичных организациях общества, или же окончившие его Снайперские школы и потому обладавшие высокой профессиональной подготовкой. Были и те, кто пошел в Красную Армию добровольцем, окончил армейские месячные курсы и дальше совершенствовал навыки уже на боевых позициях.

К немалому удивлению командиров РККА, на снайперской службе женщины проявляли себя не хуже, а то и лучше мужчин.

«Психофизиологически женщины намного более приспособлены к работе в экстремальных условиях, чем мужчины – пишет автор современного учебника «Искусство снайпера», имеющий опыт боевых столкновений на Северном Кавказе. – Порог терпе-

ния у женщин выше, чем у мужчин. Физиологическая выносливость женского организма по эффективности не сопоставима с мужским.

Женщины обладают более обостренными системами восприятия, в частности, повышенным в потенциале ночным зрением, слухом и обонянием. У них мгновенно срабатывает боевая интуиция, изначально заложенная природой. Женщины невероятно наблюдательны. Женщина, заранее подготовленная к ведению боевых действий, не испытывает на поле боя чувства растерянности. При выполнении поставленной боевой задачи женщины работают (именно работают) собранно, целенаправленно и безжалостно. Боевая работа производится ими четко, исполнительно и аккуратно. Женщины-военнослужащие обычно выполняют служебные инструкции точно, не отступая от них ни на шаг. К процессу стрельбы женщины относятся очень аккуратно и тщательно, так же, как к исполнению постоянной инструкции. Поэтому они более обучаемы меткой стрельбе, чем мужчины. К процессу маскировки, столь важному в снайперском деле, женщины подходят творчески, с большой изобретательностью, этот процесс органичен для них. Результативность действий женщины-снайпера будет всегда выше, чем у снайпера-мужчины. В боевой практике женщины более осторожны, при ранениях – более живучи...»⁶

Возможно, два года войны, которую немцы вели на истребление нашего народа, подсказали командованию РККА уникальное решение. На основе женских курсов, действовавших с конца 1942 года при Центральной школе инструкторов снайперской подготовки, в мае 1943 года была создана Центральная женская школа снайперской подготовки. Первый выпуск – 50 человек – состоялся в августе 1943 года. Всего же ЦЖШСП направила на фронт 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела. По общим подсчетам, девушки до конца Великой Отечественной войны сумели уничтожить целую фашистскую дивизию: примерно 20 тысяч человек.

Две выпускницы школы – Татьяна Барамзина и Алия Мондагулова – удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно), ордена Славы III и II степени получили 102 девушки, орден Красного Знамени – 7, орден Красной звезды – 7, орден Отечественной войны – 7, медаль «За отвагу» – 299, медаль «За боевые заслуги» – 70. А 22 девушки были награждены именными винтовками...

⁶ *Потанов А.* Искусство снайпера. М., 2009. С. 283.

История первая Людмила Павличенко из снайперской школы ОСОАВИАХИМа

Существуют несколько списков наиболее результативных советских снайперов, отличившихся в годы Второй мировой войны. Они составлялись в разное время. В них вносили изменения и уточнения по мере изучения архивов.

Вот один из них, составленный подполковником В. Н. Киреевым (Военная академия Республики Беларусь). Первое место в нем занимает старшина 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской дивизии Николай Ильин со счетом в 494 уничтоженных солдат и офицеров противника. На втором месте – капитан 1122-го стрелкового полка 334-й дивизии Иван Сидоренко со счетом около 500 человек. На третьем – старший сержант 59-го гвардейского полка 21-й дивизии Михаил Буденков со счетом в 437 человек. На четвертом – сержант 234-го стрелкового полка 179-й дивизии Федор Охлопков со счетом в 429 человек. На пятом – старший сержант 187-го стрелкового полка 72-й дивизии Федор Дьяченко со счетом в 425 человек. На шестом – старший сержант 59-го гвардейского стрелкового полка 21-й дивизии Степан Петренко, со счетом в 422 человека. На седьмом – лейтенант 49-го стрелкового полка Николай Галушкин со счетом в 418 человек. На девятом – сержант 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й дивизии Афанасий Гордиенко со счетом в 417 человек. Это, так сказать, чемпионы, самые выдающиеся бойцы. Их заслуги признаны, все они получили звание Героев Советского Союза.

Список сверхметких стрелков, чей личный счет превышает три сотни гитлеровцев, тоже невелик. В нем – всего 12 фамилий. Тут на девятой позиции находится старший сержант 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии Людмила Михайловна Павличенко. Она уничтожила 309 вражеских солдат и офицеров, в том числе – 36 снайперов. При этом стоит обратить внимание на то, что Павличенко провела на фронте только двенадцать месяцев, с 28 июня 1941-го по 19 июня 1942 года. Но это был первый, самый тяжелый год войны.

Ее результат позволяет говорить о Людмиле Михайловне как о выдающемся стрелке, обладавшем высокими профессиональными навыками, сильным характером, великолепным глазомером, видимо, обусловленным особым строением глазного яблока.

С той военной поры сохранилось много фотографий Людмилы. Благодаря своим героическим деяниям она стала известным человеком еще при обороне Севастополя. О ней писали, ее снимали для кинохроники, для местных и центральных газет. Везде получалась миловидная, красивая девушка с внимательным, как бы прицеливающимся взглядом и снайперской винтовкой в руках, которую она обычно прижимала к груди.

Писатель Борис Лавренев, классик советской литературы, встретившись с Павличенко в Москве, оставил такое описание героини:

«Утро было теплое, погожее. Небо над старыми деревьями бульвара на Площади Коммуны сияло чистое и синее, как в Крыму. Мы ушли в боковую аллею и сели на скамью. Она сняла пилотку. Ветер шевелил пушистые, видимо, мягкие, как у ребенка, коротко стриженные волосы. Дымная прядка их колыхалась над чистым, выпуклым девичьим лбом. Лицо тонкое, нервное дышало выражением порывистой неутоленности, глубокой страстности характера. Его лучше всего могли определить лермонтовские строки: “Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...” Лицо это говорило о хорошей цельности человека, о характере, способном только на прямое действие, не признающем никаких компромиссов, никаких сделок с собой. Темные карие глаза с золотой искоркой сидели под узкими бровями. Они казались слишком пристальными, даже хмурыми...»

Родилась Людмила 30 июня 1916 года на Украине, в небольшом городке Киевской области под названием Белая Церковь. Ее мать Елена Трофимовна Белова преподавала в местной школе. Профессию ее отца, Михаила Ивановича Белова, определить трудно. По словам самой Людмилы (других источников нет. – А. Б.), до 1917 года он был рабочим-слесарем в Петрограде, во время Гражданской войны – комиссаром кавалерийского полка у красных, после Гражданской войны где-то служил, часто переезжая с места на место. В одном официальном документе⁷ он назван правительственным чиновником. Не исключено, что Михаил Иванович являлся штатным сотрудником НКВД. Во всяком случае, на единственной сохранившейся его фотографии, датированной 1943 годом, он изображен в мундире с офицерскими погонами этого ведомства.

Детство и отрочество будущего снайпера прошло в Белой Церкви.

Однако кончилось оно довольно рано. В жизни ученицы 7-го класса средней школы № 3 появился Алексей Павличенко, который был гораздо старше ее. Первая школьная любовь закончилась беременностью и скоротечным браком. Так русская девушка Людмила Белова стала «украинкой» Павличенко, в пятнадцать лет родила сына Ростислава и довольно быстро рассталась с первым мужем. Об этом она никому никогда не рассказывала. И вообще историю раннего замужества вспоминать не любила. Настолько не любила, что в своей краткой «Автобиографии», ныне хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, в ее личном деле (№ 593897) даже не упомянула про данное обстоятельство.

А между тем из школы, где она отлично училась, пришлось уйти в связи с беременностью и рождением ребенка, из городка Белая Церковь, где каждый житель был на виду, в 1932 году уехать в Киев. Здесь Людмила устроилась работать на завод «Арсенал»: сначала чернорабочей, потом ученицей токаря, потом токарем. Одновременно с работой училась на рабфаке, поскольку хотела получить аттестат о среднем образовании.

Осенью 1936 года Белова-Павличенко успешно выдержала экзамены в Киевский университет, на исторический факультет, и стала студенткой на 21-м году жизни. Поздновато, конечно. Все ее однокурсницы были моложе.

Зато у Людмилы уже имелся житейский опыт и характер, закаленный суровым испытанием. Выдержать его ей помогла дружная семья Беловых, и особенно – сердечное отношение матери. К Елене Трофимовне Людмила всегда относилась с большой нежностью и теплотой, сына просто обожала. Он платил ей таким же обожанием и привязанностью.

Впо следствии Ростислав Алексеевич Павличенко (1932–2007) с отличием закончил юридический факультет МГУ, затем – Высшую школу КГБ. Он прослужил в этом ведомстве 16 лет, был награжден правительственными наградами и вышел в отставку по болезни в звании полковника...

Что или кто привел студентку второго курса истфака КГУ в киевскую Снайперскую школу ОСОАВИАХИМа, – точно неизвестно. Но она упоминала, что на заводе «Арсенал» действовал стрелковый кружок. Именно там Людмила приобрела первые навыки обращения с оружием. Такое было в то время увлечение у молодежи – с энтузиазмом осваивать интересные военные специальности. Будучи уже студенткой, Людмила поступила в школу в 1937 году и училась очень прилежно. В следующем, 1938 году, она получила свидетельство об окончании сего учебного заведения с высокими оценками по практической стрельбе, тактике, баллистике, военно-инженерной подготовке. Как уже говорилось выше, 400-часовая программа школы позволяла хорошо изучить профессию сверхметкого стрелка. Если же курсант проявлял незаурядные способности, то попадал в особый список и его приглашали

⁷ Information Bulletin of Embassy of the Soviet Socialist Republics № 104, August 29, 1942. P. 1. «Her father is a Government official» (англ.)

в Снайперскую школу для дополнительных тренировок, участия в учебных сборах и соревнованиях полевой стрельбе, которые проводились регулярно.

Нет сомнений в том, что к 1941 году Людмила Павличенко не раз подобные сборы проходила и к работе снайпера была подготовлена.

Начало войны застало ее в Одессе, куда она приехала из Киева для прохождения преддипломной практики в Государственной научной библиотеке, располагавшейся на улице Пастера, дом 13. Здесь студентка четвертого курса истфака КГУ также должна была написать дипломную работу, посвященную Переяславской Раде, присоединению Украины к России и роли в этом процессе Богдана Хмельницкого. Дипломную работу предстояло защитить осенью и затем получить в университете диплом преподавателя истории. Дальше тоже все было ясно – Людмила мечтала работать в обычной школе, учить детей своему любимому предмету.

Но в двенадцать часов дня 22 июля 1941 года она вместе со всеми жителями прекрасного черноморского города услышала по радио речь заместителя председателя Совета народных комиссаров, наркома иностранных дел товарища Молотова. То, что он сказал, поначалу многим показалось совершенно невероятным: Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Согласно мобилизации, объявленной 23 июня, призыву на службу подлежали военнообязанные четырнадцати возрастов, от 1905 до 1918 года рождения. Людмила, родившаяся в 1916-м, под призыв попадала. Надев свое лучшее крепдешиновое платье и туфли на высоких каблуках, она отправилась к райвоенкомату Водно-транспортного района города Одессы.

«В кабинете военкома было душно и накурено, – пишет в своих неопубликованных мемуарах Герой Советского Союза майор береговой службы в отставке Л. М. Павличенко. – Поминутно хлопали двери. Охрипший военком с сизо-красным лицом что-то доказывал пришедшим к нему людям. Он ошалело посмотрел на меня и сказал:

– Медицинские кадры будут призывать с завтрашнего дня...

Затем он отвернулся, видимо, считая разговор со мной законченным.

Я достала из сумочки свидетельство об окончании киевской Снайперской школы и положила перед ним. Военком раздраженно заявил, что военно-учетной специальности “снайпер” в его списке нет. Потом добавил что-то ироническое по поводу ОСОАВИАХИМа, женщин, которые почему-то хотят быть солдатами, но не соображают, как это трудно. Короче говоря, он заставил меня покинуть его кабинет.

На второй день я пришла снова. Военком был тот же, но говорил со мной иначе, более вежливо. Судя по всему, он уже знал, кто такой снайпер, или получил определенные указания на этот счет. Голос его звучал по-другому:

– Приказываю вам явиться на сборный пункт завтра в 10.00. Сейчас зайдите в комнату № 3 для оформления документов...»

Степная война

Воинский эшелон с одесскими призывниками, которые еще не приняли присягу, не получили обмундирования и оружия, двое суток шел к западной границе СССР через железнодорожные станции Ак-Керман, Сарата, Арциз. Ранним утром 28 июня 1941 года новобранцы выгрузились из вагонов. Их построили и повели к ближайшему лесу. Здесь располагались тыловые части 25-й стрелковой дивизии. Вновь прибывших накормили завтраком и выдали им форменную одежду. Под звуки отдаленного боя – разрывы снарядов и пулеметные очереди – они приняли присягу у развернутого знамени дивизии и выслушали короткий рассказ военного комиссара о ней.

Дивизия не зря называлась Чапаевской. В 1919 году ею действительно командовал легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев. В 1933 году это элитное воинское соединение первым в Красной Армии удостоилось награждения орденом Ленина.

Перед началом Великой Отечественной войны чапаевцы занимали участок обороны по берегам рек Прут и Дунай в Молдавской ССР и Измаильской области. Штаб дивизии располагался в городе Болград, командовал ею полковник А. С. Захарченко. Румыны, которые одновременно с германской армией перешли нашу границу, здесь в первые дни своего наступления никаких успехов не достигли. Более того, 24 июня один батальон 25-й дивизии на бронекатерах переправился через Прут у города Кагул на румынскую территорию и разгромил вражескую заставу, захватив в плен 70 солдат и офицеров.

Однако вскоре храбрым чапаевцам пришлось оставить эти рубежи и под напором превосходящих сил противника с боями отходить к селам Новая Ивановка, Червоноармейск и Криничное, а потом и дальше – к Арцизу и Татарбунары. В середине июля советские войска уже находились на берегах реки Днестр. Наше командование предполагало, что они, опираясь на Тираспольский укрепленный район, смогут задержать противника, не допустить его в Одессе. Но тут полки и дивизии РККА продержались только 12 суток, с 26 июля по 8 августа...

После принятия присяги Павличенко определили рядовым красноармейцем-снайпером в 54-й имени Степана Разина стрелковый полк, в первый батальон, вторую роту, первый взвод. Однако оружия она не получила: не только снайперской винтовки с оптическим прицелом, но даже и самой обыкновенной «трехлинейки» Мосина. Всем новобранцам вручили лишь лопатки (для рытья окопов) и по одной гранате (на тот случай, если фашисты все-таки прорвутся через передовую). Винтовки они могли взять только у своих раненых или убитых товарищей. Такой случай Людмиле представился после очередного налета вражеской авиации, и она потом писала: «В миллион раз горше ждать, когда погибнет однополчанин, который стоит рядом с тобой...»

На равнинных пространствах от реки Днестр до реки Южный Буг, от города Тирасполя до города Одессы постепенно возникал настоящий военный хаос, и управлять войсками становилось невозможно. Все перемешалось в неоглядных степях Северного Причерноморья. Целые многотысячные корпуса вместе со своими командующими попадали в окружение и плен. Генералы и полковники гибли в обычных пехотных перестрелках. Полками и батальонами командовали капитаны и лейтенанты. Некоторые дивизии существовали теперь лишь на бумаге. Разрозненные остатки их бродили по дорогам, пытаясь пробиться к своим. Вот как описывали эти события бойцы 9-й армии Южного фронта:

«Отход от границы был ужасен: жара, пыль, самолеты сверху, танки с флангов, артобстрел, крики и стоны раненых, которые лежали на повозках, а убитых хоронили кое-как – в воронках, не делая отметок на картах, где кто похоронен. Части покидали границу ночью, а с наступлением дня занимали оборону на промежуточных рубежах до следующей ночи.

Теперь будем ночами идти, а днем лежать в обороне. Скоро станет неустойчивой связь дивизии со штабом армии, а потом и полков со штабом дивизии. Это будет называться “полу-окружением”. Давно нет газет, радио и хлеба. Скоро не станет патронов...

Ежедневно у нас большие потери. Противник буквально висит на хвосте, а мы наносим ему урон совсем небольшой. Начинаем экономить патроны... Из двух рот сделали одну, из двух взводов – один. Отделения ликвидировались сами собой. То есть потери несли ежедневно, а достать противника было нечем: мы давно без полковой артиллерии и минометов, а пока они были – то без снарядов и мин. Почти все походные кухни разбиты снарядами, а в уцелевших нечего варить...»⁸

Однако 25-я дивизия находилась на крайнем левом фланге образованного 25 июня 1941 года Южного фронта (командующий генерал армии И. В. Тюленев, в составе фронта – 18-я и 9-я армии, 9-й особый стрелковый корпус, 55-й и 7-й стрелковые корпуса, 5 авиадивизий, а также другие воинские части). Главный удар противника пришелся севернее, в направлении Кишинев – Яссы – Бельцы – Могилев-Подольский. Потому даже 12 июля дивизия, отступая, сохраняла высокую боеспособность и всю довоенную боевую и тыловую структуру. Три стрелковых полка – 54-й имени Степана Разина (командир – полковник И. И. Свидницкий), 31-й Пугачевский имени Фурманова (командир – подполковник К. М. Мухамедьяров), 263-й Домашкинский имени Фрунзе (командир – майор С. И. Султан-Галиев) – составляли ее пехотную основу. Всего же в рядах чапаевцев числилось 15 075 бойцов и командиров, 147 гаубиц и пушек разных систем, 141 миномет, 169 станковых пулеметов из 175 положенных по штату. Плохо обстояло дело только с военной техникой. Из танкового батальона в 60 машин уцелело лишь 15⁹. Остальные пришлось бросить из-за серьезных поломок и нехватки горючего...

Заполучив простую винтовку Мосина с открытым секторным прицелом, снабженным перемещающимся по прицельной планке хомутиком, Людмила почувствовала себя увереннее. Она отлично стреляла также и из этого оружия. Но при отступлении было не до снайперских засад. Войска перемещались слишком быстро. Павличенко вместе с другими бойцами 54-го полка днем занимала позицию на огневых рубежах и отбивала атаки румын, ночью пешком, иногда – на повозках, запряженных лошадьми, совсем редко – на автомобилях – двигалась со своей частью на восток.

Степь расстилалась по обеим сторонам дороги.

Ночью она была тихой. Днем гроыхала от орудийных залпов и разрывов бомб, вспыхивала зарницами, дышала пороховой гарью. Чужаки, вторгшиеся с запада, нарушили ее вековой покой. Они принесли неисчислимые бедствия. Людмила уже видела разбомбленные поселения, выгоревшие поля пшеницы, разбитые снарядами склады и зернохранилища, взорванные мосты, всевозможную технику, брошенную вдоль дорог, и тысячи людей, в страхе покидающих дома, увозящих свой немудреный скарб, пытающихся спасти домашний скот: лошадей, коров, овец.

Картины разрушений и огромного народного горя непреходящей болью отзывались в сердце. Наверное, тогда Людмила решила, что будет мстить захватчикам. Те, кто вероломно покусился на мирную жизнь ее родной страны, должны понести суровое наказание, и она их накажет. Владея навыками сверхметкой стрельбы, она сможет это сделать. В уме снайпер прикидывала свой счет: сто, двести, триста. А может быть, если ей очень повезет, и тысяча вражеских солдат и офицеров. Все они останутся лежать здесь, в сухой и рыхлой степной земле, которую мечтали захватить.

⁸ Савченко В., Филиппенко А. Оборона Одессы. М., 2011. С. 56.

⁹ Центральный архив МО РФ. Ф. 229. Оп. 4063сс. Д. 31. Л. 64.

Однако начать собственно снайперскую службу Павличенко смогла только 8 августа 1941 года. Произошло это в деревне Беляевка, что располагалась в сорока километрах от Одессы, на берегу реки Днестр и озера Белое.

К этому времени ситуация на фронте изменилась.

Советские войска, отбиваясь от превосходящих сил противника, приблизились к Одессе. Из Москвы был получен приказ Ставки, подписанный Сталиным: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности...» Передний край главного рубежа обороны прошел через ближайшие к городу села и хутора. Его протяженность по фронту составляла 80 км, глубина – 3,5 км. Там вырыли противотанковые рвы, установили «ежи» и «рогатки», сваренные из обрезков рельсов, заложили минные поля, протянули около 15 километров заграждений из колючей и гладкой проволоки, сделали до полутора тысяч стрелковых окопов разного профиля, 281 окоп для противотанковых орудий и 39 для минометов, оборудовали 256 дерево-земляных, кирпичных и железобетонных огневых точек. Их связывали между собой траншеи и ходы сообщения общей длиной до 42-х километров. Заняв эти хорошо укрепленные позиции, бойцы приготовились защищать их до последней капли крови.

Полтора месяца боев с захватчиками тоже не прошли даром. Теперь румынам и немцам противостояли воинские части, сплоченные, обстрелянные, прошедшие трудную, но необходимую боевую школу.

«Нашу вторую роту, – вспоминала впоследствии Людмила Михайловна, – за высокие боевые качества называли ударной. Ее главная задача – ликвидация прорывов противника, в какое бы время суток ни поступил приказ. Иногда на машинах, а чаще пешком мы своевременно прибывали к указанному месту и положение восстанавливали, то есть выбивали фашистов из захваченных ими окопов.

Теперь рота была вооружена отлично. Много мы имели винтовок, автоматов, патронов, гранат, добытых в сражениях. Мы не торопились сдавать их на полковой склад, потому как помнили о горьком опыте приграничных столкновений... В нашей роте служили, в основном, молодые ребята, комсомольцы, и в том состояла ее особая сила. Мы все дружили и даже коллективно сочиняли письма домой. Каждый считал своим долгом подсказать какую-нибудь интересную фразу... Бывало, во время самого яростного боя вдруг кто-то на ухо пропоеет тебе охрипшим голосом хоть одну строку из нашей любимой песни, или, проходя мимо, крикнет: “Держись, пехота!...” – на душе становится легче...»

Такой ожесточенный бой и начался утром 8 августа на участке Беляевка – Мангейм – Бриновка. Вместе с солдатами 54-го стрелкового полка здесь отбивали вражеские атаки бойцы из Первого полка морской пехоты, пограничники в зеленых фуражках из 26-го полка НКВД, два пулеметных батальона из состава Тираспольского укрепрайона, батальон 136-го запасного полка и два батальона народного ополчения. При поддержке своих танков «LT vz.35» румыны наступали на наши позиции. Их униформа песочного цвета иногда сливалась с серовато-желтоватым пространством причерноморской степи. Но станковые пулеметы «максим» и ручные пулеметы «Дегтярев пехотный» у русских работали отменно. Меткий огонь вели также советские артиллеристы: 134-й гаубичный полк и 412-я береговая батарея, имевшая орудия калибра 180 мм.

К вечеру сражение стихло.

Западная часть большой деревни Беляевка осталась за воинами румынского короля Михая I. Несмотря на существенные потери, они никуда не продвинулись. На восточной стороне Беляевки закрепился первый батальон 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Командир батальона капитан Сергиенко вызвал на свой командный пункт снайпера Людмилу Павличенко и показал ей на дальний конец села. Там виднелся двухэтажный дом с широким крыльцом, наполовину скрытым разросшимися деревьями. На крыльцо вышли

два человека в офицерских мундирах и в касках, напоминающих по форме деревенские макитры. Именно эти стальные изделия королевство Румыния закупило для своей армии у голландских поставщиков.

– Похоже, это – их штаб. Достанешь? – спросил комбат.

– Попробую, товарищ капитан, – она сняла с плеча свою «трехлинейку» с оптическим прицелом «ПЕ».

Стрелять из положения лежа тут было затруднительно. От сельской хаты остались одни руины с разбросанными повсюду закопченными камнями и обгоревшими обломками балок. Павличенко решила стрелять с колена с применением ремня, то есть сесть на каблук правого сапога, а на левую ногу, согнутую в колене, опираться левым же локтем, вес винтовки принять на ремень, пропущенный под левый локоть. Затем она взглянула в окуляр прибора. Один офицер уже сидел в пароконную коляску. Второй подходил к ней. Его фигура закрывалась горизонтальной линией прицела примерно до пояса.

Это – простейшая задачка из курса практической баллистики, читавшегося в киевской Снайперской школе ОСОАВИАХИМа, и решение уравнения она помнила наизусть: в данном случае расстояние до цели составляет 400 метров. Условия для стрельбы были идеальные: полное безветрие, температура воздуха чуть выше 25 градусов тепла. Но поразила первую цель Людмила с третьего выстрела, вторую – с четвертого, зарядив винтовку дефицитным патроном с «тяжелой» пулей. Волновалась? Или колебалась? А может быть, не смогла полностью сосредоточиться под требовательным взглядом комбата? Не задержала дыхание перед выстрелом? Резко нажала на спусковой крючок? Она задавала себе эти вопросы, однако не могла на них ответить. Как будто нечто совершенно необъяснимое мешало ей. Но она решила, что впредь подобное не повторится никогда...

– Люда, – ласково произнес капитан Сергиенко, взглянув в бинокль на румын, лежавших возле коляски, – Патроны-то беречь надо. Семь штук на двух фашистов – это много.

Красноармеец Павличенко не ответила командиру.

Задумавшись, она молчала и поглаживала ладонью полированный ореховый приклад своей винтовки. Теперь на нем можно сделать две насечки. От других снайперов она слышала рассказы о первом выстреле не по мишени в тире, а по живому человеку, которого ты видишь в перекрестье прицела на поле боя. Рассуждали о том, что существует некий рубеж, и его надо преодолеть. Кто-то пьет, кто-то плачет, кто-то замыкается, уходит в себя на некоторое время. У нее пропало пять патронов.

Боеприпасы, конечно, жаль. Однако на этой небывалой войне счет уже идет по-другому: смерть за смерть, кровь за кровь. Если у тебя это получилось, то, значит, недаром с тобой в Снайперской школе занимались опытные наставники, недаром тебе в армии доверили замечательное оружие, недаром ты гордишься званием сверхметкого стрелка...

Между тем 8 августа 1941 года был памятный день. Румынский диктатор Ион Антонеску объявил о том, что через неделю, 15 августа, его войска, разгромив русских, захватят Одессу и пройдут по ее улицам победным маршем.

Конечно, этот приказ фашисты не выполнили.

Они штурмовали боевые рубежи Красной Армии до 16 октября 1941 года, хотя на одесском направлении противник сосредоточил значительные силы. Численность Четвертой румынской армии достигала 300 тысяч человек.

Ей помогали отдельные подразделения 72-й германской пехотной дивизии. Враг обладал пятикратным численным превосходством. При активной обороне, опирающееся на разнообразные укрепления, у советских снайперов были хорошие условия для работы, и они сказали свое веское слово.

«Снайперам Одесского оборонительного района отдан приказ: занять выгодные для наблюдения и ведения огня места, не давать врагу покоя, лишить его возможности сво-

бодного передвижения в ближайшем тылу, деморализовать, – пишет в своих ранее мемуарах Л. М. Павличенко. – Поставленные задачи требовали от нас большего напряжения сил и поисков новых методов борьбы с захватчиками.

Наши посты, выдвинутые на 75–100 метров вперед, не могли решить этих задач. Нужно было увеличивать глубину обстрела позиций противника, создать угрозу для его второго эшелона. Так возникла необходимость применения снайперских засад. Их организация была связана с тщательным осмотром и выбором местности, которая бы хоть в какой-то мере обеспечивала выход стрелка из засады. Полковая разведка, с которой мы работали в тесном контакте, все-таки не могла предоставить нам нужные сведения. Потому снайперы сами ходили в разведку для выбора места, подходящего для прицельной стрельбы.

В первую такую засаду по приказу командира нашего полка Свидницкого мы пошли ночью втроем: боец с ручным пулеметом “ДП” и пара: снайпер-истребитель (это – я) и снайпер-наблюдатель Петр Коломиец. Противогазные сумки набили патронами, на пояс повесили гранаты. У каждого, кроме винтовки, был еще и пистолет “ТТ”. Идя в засаду, мы понимали, что не каждый выстрел бывает последним для врага. Точность нашего огня будет зависеть от многих причин.

Местом засады мы выбрали заросли довольно высокого кустарника длиной примерно метров в 150, шириной – в 12–15 метров. Графически его можно было бы изобразить как ромб неправильной формы, острый угол которого вклинивался в оборонительную линию румын и заканчивался неглубоким оврагом во втором эшелоне противника.

От первой линии окопов 54-го полка до места засады было метров 600. Мы прошли их за час. Луна на безоблачном небе освещала окрестности, и все тропинки, неровности почвы, воронки от снарядов проступали отчетливо. Однако вероятная встреча с врагом в самом кустарнике портила нам настроение. Приходилось шагать с оглядкой, держать оружие наготове. Но оказалось, что румын в зарослях нет, и мы расположились там со всеми удобствами: отрыли окопы с небольшими брустверами, положили на них винтовки, установили пулемет.

В пять часов утра в расположении противника началось движение. Солдаты ходили во весь рост, громко разговаривали, перекликались между собой. В шесть часов утра приехала полевая кухня. Стало еще оживленнее. Появились офицеры, которые крикливыми головами отдавали приказы. В некотором отдалении, видимо, находился какой-то санитарный армейский пункт, и там мелькали белые халаты медиков.

В общем, мишеней обнаружилось много.

Мы распределили силы так: левый фланг – мой, правый – Петра Коломийца. Наблюдение по центру вел пулеметчик. Мы ждали до 10 часов утра, изучая повадки врага, находящегося в удалении от переднего края, затем открыли огонь. Румыны перепугались. Они метались из стороны в сторону, дикими воплями увеличивая панику. Но расстояние у нас было измерено, прицелы выставлены. Стрельба, продолжавшаяся около четверти часа, дала хороший результат: у меня – 16 убитых, у Коломийца – 12. Пулеметчик, который должен был нас прикрывать в случае прямой атаки противника на нашу засаду, не стрелял.

Опомнившись, фашисты открыли по зарослям кустарника сильный минометный и пулеметный огонь. Нам пришлось удирать. Но все кончилось благополучно. Мы вернулись в полк, написали рапорт командиру и получили от него благодарность в приказе. Подумали и решили на следующую ночь пойти в засаду на то же самое место. Шли мы спокойно, совсем не волновались, а придя в заросли кустарника, встревожились не на шутку.

В первый день мы брали воду в бутылках, а возвращаясь, бутылки с собой не унесли. Вместо трех оставленных нами бутылок с водой мы обнаружили шесть, и все – из-под сладкого вина. Бутылки заставили нас призадуматься: “Не уйти ли отсюда совсем?” Еще мы нашли два патрона и узкую борозду на траве от станкового пулемета “Шварцлозе”. След вел в сторону врага. Стало ясно: днем тут находилось вражеское боевое охранение. По какой-

то причине румыны ушли. Они, вероятно, не ждали повторного нападения. Обследовав наш участок снова, мы убедились, что здесь все в порядке. И решили остаться.

Огонь открыли в 12 часов дня. Повторилась вчерашняя картина: у меня – 10 убитых, из них – два офицера, у Коломийца – 8. На сей раз фашисты пришли в себя быстро и начали ответную стрельбу по кустарникам из двух пулеметов. Мы отступили и незаметно передвинулись в сторону, зашли пулеметчикам во фланг. Он был у них незащищенным. Пять выстрелов из снайперских винтовок, и расчеты уничтожены. Пулеметы понравились Петру Коломийцу: новенькие, так и блестят всеми своими частями. В общем, один пулемет мы сами утащили к своим, замок от второго закопали в земле. Потом полковые разведчики его нашли и взяли, как собственный военный трофей, вместе с пулеметом. Коробок с патронами к ним тут валялось предостаточно, и австрийские пулеметы еще послужили Красной Армии.

Занимать это место под снайперскую засаду в третий раз было бы неразумно. Потому мы присмотрели другое: белый, наполовину разрушенный дом, который находился метрах в четырехстах от тех же зарослей кустарника. На следующий день с чердака белого дома мы наблюдали такую картину: в 7.30 утра враг открыл по зарослям бешеный минометный огонь и безостановочно лупил по ним минут двадцать...»¹⁰

От берегов Днестровского лимана, изученных, освоенных, обжитых, «разинцы» после 10 августа перебрались на северо-восток, к станции Буялык. Здесь наступала Первая бронедивизия румын, поддерживаемая пехотой Третьего и Пятого вражеских корпусов. Поначалу противнику сопутствовал успех. Но затем движение фашистов к Одессе замедлилось. Бойцы и командиры отряда комбрига Монахова – 54-й полк, 26-й полк НКВД, Первый полк морской пехоты, два пулеметных батальона, истребительный батальон народного ополчения – проявляли чудеса стойкости и отваги.

Но ситуация была тяжелой. Советской артиллерии не хватало снарядов. На три вражеских выстрела солдаты 134-го гаубичного полка, приписанного к отряду Монахова, отвечали одним. Румыны и немцы боеприпасов не жалели. Так, тяжелый фугасный снаряд угодил в бруствер окопа. Не прямо перед Людмилой, а сбоку от нее. Ударная волна разбила в щепы любимую винтовку, саму Павличенко отбросила далеко на дно траншеи и присыпала землей. Однополчане нашли снайпера в бессознательном состоянии, вместе с другими ранеными погрузили в санитарную повозку и отправили в тыл. Очнулась Людмила уже в госпитале, который располагался в Одессе.

Целыми днями она молча смотрела в окно на сад, где под порывами морского ветра качались ветки яблоневых и грушевых деревьев, трепетали желтеющие листья, падали на землю созревшие плоды. Она ничего не слышала, но эта беззвучная картина приближающейся осени почему-то ее успокаивала. Слух возвращался медленно. Боли в суставах и позвоночнике мучили по ночам. В чисто убранной палате, на хрустящих от крахмала простынях, за сладким и крепким чаем, который подавали ровно в восемь часов и непременно – со сдобной булкой, Людмила вспоминала суровые фронтовые будни и фронтовых товарищей.

Павличенко впервые получила несколько писем от родных. Мать, Елена Трофимовна, беспокоилась о ее здоровье и советовала не пить в походе сырую воду из открытых водоемов. Отец, Михаил Иванович, вспоминал Первую мировую и Гражданскую войну, утверждая, что Беловым в сражениях всегда везло. Старшая сестра Валентина рассказывала, как у нее идет работа на новом месте. Все они находились очень далеко, в Удмуртии, куда из Киева эвакуировали завод «Арсенал». Собравшись с духом, Людмила села писать им ответы, старательно выводя буквы правой рукой, к которой постепенно приходила прежняя сила и точность.

¹⁰ Записки снайпера. С. 20–24. Рукопись находится в семейном архиве Л. М. Павличенко (г. Москва).

«Удмуртская республика,
г. Воткинск, Главпочтамт, до востребования
Беловой Валентине Михайловне.
Здравствуй, дорогая Жучка!

Вчера вырвалась из госпиталя в город. Получила Ленуськину открытку, которая шла с Киева в Одессу всего полтора месяца. Ленуся дала твой адрес. Почему ты не взяла ее с собой?

Я уже месяц и десять дней в армии. Успела насолить румынам и немцам, побывала на передовой. Они, гады, присыпали меня землей два раза. Теперь в госпитале. Через два дня выхожу, иду в свою часть, где моя специальность – боец-снайпер. Думаю, если не убьют, быть в Берлине, отлупить немцев и вернуться в Киев. Расчет у меня простой – 1000 немцев. А тогда я уже дешевле свою голову не ценю. Можно сказать, раз оценила свои способности и больше не отступлю. Словом, не скучаю. Житье-бытье веселое. Если тебе не лень, то пиши пока по адресу: Одесса, ул. Пастера, 13, научная библиотека, Чопак, для меня. Мне передадут...

Валюнчик, если Моржик (домашнее имя сына Павличенко Ростислава. – А. Б.) с тобой, пусть пишет. Скажи

ему, что я повоюю за себя и за него, только пусть учится хорошо, только на отлично, чтоб мне не стыдно было... Валюнчик, Славку береги... Обо мне не думай. Пуль у Гитлера для меня нет. Целую крепко-крепко. Моржику особый поцелуй прямо в нос.

Твоя Люда. 27/VIII-41»¹¹.

Чтобы отправить письмо, Павличенко поехала на Главпочтамт.

С грустью увидела она, что за два месяца, прошедших с начала войны, прежде беззаботная красавица Одесса и ее жизнерадостные, энергичные жители сильно изменились.

Центр города пострадал от бомбежек. На некоторых улицах возвели баррикады из мешков с песком, устроили площадки с зенитными орудиями, установили противотанковые «ежи». Многие магазины закрылись, другие заклеили свои стеклянные витрины бумажными полосами крест-накрест. Курортники исчезли. Парки, бульвары, улицы, площади стали пустынными. Только патрули народного ополчения с винтовками за плечами четко вышагивали по булыжной мостовой. Это было неудивительно.

До войны Одесса являлась крупным промышленным (22 предприятия), культурным (3 театра, в том числе – оперный, цирк, филармония) и учебным (мединститут) центром в Северном Причерноморье. Ее население достигало 600 тысяч человек. Теперь в городе оставалось примерно 340 тысяч. Остальные ушли на фронт или эвакуировались. Только в июле из Одессы морем вывезли 46 тысяч жителей и раненых бойцов, в августе – 58 тысяч. Но многие промышленные предприятия работали, выпуская нужную фронту продукцию: минометы (их делали из нефтеперегонных труб), бутылки с зажигательной смесью, противопехотные мины с корпусами из консервных банок, гранаты. На заводе имени Январского восстания приспособились переделывать трактора в танки, приваривая к кабине листы восьмимиллиметровой корабельной стали, которые одесситы остроумно называли «НИ», то есть «На испуг». Скорость их была небольшой: всего 7 километров в час, – однако для того, чтобы проутюжить вражеские окопы, ее вполне хватало...

В первых числах сентября снайпер вернулась в родной полк, который уже находился на западном участке обороны, недалеко от хутора Дальник. Ее ожидал приятный сюр-

¹¹ Письмо Л. М. Павличенко старшей сестре В. М. Беловой. Центральный музей Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/18680.

приз. Вышел приказ о присвоении рядовому красноармейцу Павличенко звания ефрейтора, что являлось признанием возросшей армейской квалификации бывшей студентки истфака Киевского госуниверситета. Здесь же, у Дальника, Людмиле пришлось наблюдать картину для современной войны почти фантастическую.

Румыны устроили «психическую» атаку. Сперва, как водится, минут двадцать гремел артиллерийский налет. Советские солдаты и офицеры пережидали его в хорошо оборудованных, глубоких блиндажах и траншеях. Большого урона первому батальону 54-го стрелкового полка он не причинил. Затем наступила тишина. Бойцы вернулись на свои позиции и стали всматриваться вдаль. Там происходило что-то необычное.

Во-первых, донеслись звуки бравурной музыки. Во-вторых, пехотинцы в касках-макитрах не расходились по ровному пространству степи, образуя прерывистые цепи.

Наоборот, они начали сбиваться в густые, тесные шеренги, становились плечом к плечу и маршировали, как на параде, высоко поднимая ноги в такт ритмичным ударам барабанов.

Где-то во второй или третьей шеренге над головами солдат колыхалось знамя. Офицеры, соблюдая дистанцию и взяв обнаженные сабли на плечо, шагали в интервалах между шеренгами. На левом фланге двигался священник в полном парадном облачении. Его расшитая золотом ряса смотрелась странно на фоне однообразного военного строя. Три хоругви следом за ним несли румынские солдаты. Священник, как потом выяснилось, был украинец.

Людмила в бинокль рассматривала атакующих. Они подходили все ближе. Вскоре ей стало ясно, что солдаты пьяны. Не так уж строго они держали равнение, не так четко маршировали. Но количество их было изрядное: не менее полутора тысяч человек. И это – на первый батальон капитана Сергиенко, где едва насчитывалось 500 штыков.

Между тем расстояние сокращалось.

Румыны подошли на 700 метров, и по ним нанесла первый удар минометная батарея. Фонтаны земли взметнулись среди шеренг. Их строй на некоторое время сломался. Однако, оставив убитых за спиной, живые сомкнули ряды и продолжали наступление под бодрую музыку своего оркестра. По команде офицеров они ускорили шаг и взяли ружья «на руку».

Лезвия примкнутых штыков сверкнули в пыльной степной дали.

Павличенко терпеливо ждала, когда первая шеренга в серовато-песочных мундирах поравняется с забором на краю кукурузного поля. Согласно «Карточке огня», которую она нарисовала для себя загодя, этот забор отстоял от ее окопа на 600 метров, разросшиеся кусты «волчьей ягоды» – на 500 метров, одинокое дерево с обломанной кроной – на 400 метров. Теперь воины короля Михая I, сами того не ведая, выходили на дистанцию прямого выстрела ее новенькой, но уже отлично пристрелянной снайперской «мосинки», то есть – на 600 метров.

Как говорилось выше, прямой выстрел – вещь совершенно замечательная. При нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы. Например, как в данном случае, взяв прицел «6» и точку прицеливания по каблукам марширующих солдат противника, можно стрелять без перенастройки оптического прицела. Враг сначала получит пулю в ногу, подойдя ближе – в живот, еще ближе – в трехстах метрах – в грудь, затем в голову. Далее, по мере приближения к снайперу, в обратном порядке – в грудь, в живот, в ногу.

Излюбленный способ стрельбы у Людмилы был: пуля либо в переносицу, либо в висок. Но, глядя на марширующую под барабан армаду, она думала, что в данной ситуации выстрел только в голову – непозволительная роскошь. Главное сейчас – стрелять, стрелять и стрелять. Лишь бы остановить «психическую» атаку пьяных, ничего не соображающих солдат, не дать румынам дойти до наших окопов. Ведь они, имея трехкратное численное превосходство, сразу уничтожат ее боевых товарищей, весь их первый батальон.

Однако они не дошли.

Откатившись назад с немалыми потерями, румыны через час повторили нападение, только уже без православного священника и церковных хоругвей, которые при первой атаке были разорваны в клочья прямым попаданием снаряда. Снова под полем гремели залпы орудий, гудели мины, трещали очереди из пулеметов и автоматов, залпы винтовок, среди которых звучал и голос «трехлинейки» снайпера Павличенко. Снова воины короля Михая I обратились в бегство.

В два часа дня, после мощного артобстрела, к окопам «разинцев» двинулись немцы. Они лезли вперед отчаянно и азартно, точно хотели показать своим союзникам румынам, как надо воевать с русскими. Но и это нападение однополчане Людмилы отбили.

Под вечер на позиции 54-го полка, изрядно пострадавшего в этом бою, прибыла машина ЗИС-6 с реактивной установкой БМ-13, которую на фронте называли «катюшей». Она сделала всего два залпа (один залп – 16 реактивных снарядов весом по 42,5 кг каждый), и противник прекратил всякие попытки взять штурмом наши оборонительные сооружения. У него в ближайшем тылу начались сильные пожары. Ведь начинкой для снарядов служил не порох и не дорогостоящий тротил, а жидкое взрывчатое вещество – нитробензол с окислами азота. На месте падения такого снаряда образовывалась обширная воронка глубиной до полутора метров и горело буквально все: земля, камни, металл.

Поле битвы осталось за русскими.

Поздним вечером Людмила вместе с командиром второй роты лейтенантом Андреем Ворониным отправилась осматривать его. Своих раненых румыны вынесли, но убитые лежали нетронутыми. Для рапорта в полковой штаб требовалось их сосчитать и определить, кто нанес больший ущерб врагам. Нашлось девятнадцать человек с простреленными головами, левой частью груди, шеей и животом. Их командир роты записал на счет ефрейтора Павличенко. За таковое отличие по представлению Воронина ей присвоили звание младшего сержанта.

Следующая попытка Людмилы применить боевой опыт предшественников едва не закончилась для нее печально.

Она знала, что на Финской войне в карельских лесах действовали вражеские снайперы – «кукушки», которые вели прицельный огонь, спрятавшись среди веток деревьев. Маскировка же в степи доставляла ей немало хлопот. Посреди ровного пространства, не имеющего никакой растительности, холмов, оврагов, человеческого жилья, найти подходящее для снайперской засады укрытие порою просто невозможно. Потому она очень обрадовалась, когда вторая рота, исполняя приказ командира полка, выбила румын из кладбища, расположенного метрах в трехстах от маленькой деревеньки. На кладбище росли деревья! Целых пять высоких кленов с раскидистыми кронами и толстыми пепельно-серыми стволами, неведомо как уцелевшие в жарких схватках, при бомбежках и артобстрелах.

Младший лейтенант одобрил ее план. Он понимал, что сверху деревня, которую пока занимал противник, будет видна, точно на ладони. Там где-то среди домов стоят станковые пулеметы, и они не дают его бойцам даже головы поднять, а не то что вылезти из окопов.

Вечером Людмила расшивала свою новую камуфляжную куртку с капюшоном зеленоватого цвета и коричневыми разводами. Старшина отдал ей обрывки маскировочных сетей и чью-то старую гимнастерку, которую она раскроила на ленты и кусочки небольшого размера. Разлохмаченная лента сгодилась, чтобы обернуть ствол винтовки. Остальное вместе с кленовыми листьями, веточками и пучками травы снайпер разместила на куртке, отчего она утратила прежний четкий силуэт и стала походить на одеяние лешего или болотной кикиморы.

За полтора часа до рассвета Павличенко взобралась на дерево. Когда совсем рассвело, она поднесла к глазам бинокль. С высоты деревня просматривалась отлично. В саду возле

крайнего дома она увидела универсальный немецкий пулемет «MG-34» на стойке-треноге и коробки с лентами, разложенные возле. У пулемета имелся оптический прицел.

В седьмом часу утра сменилось боевое охранение. Но солдаты с винтовками не интересовали Людмилу. Она ждала пулеметчиков. Три румына в кителях серовато-песочного цвета и забавных суконных кепи с тульей, вытянутой углом спереди и сзади, сначала занимались своим «MG-34», потом расселись под деревьями.

Людмила вложила один патрон с бронебойной пулей в канал патронника и закрыла затвор. Ствол винтовки она устроила на толстой ветке, взглянула в окуляр прицела. Расстояние достигало 250 метров, дистанция для точного выстрела вполне подходящая. Она намеревалась сначала вывести из строя пулемет, послав пулю прямо в его затвор, а затем уже нейтрализовать обоих пулеметчиков.

Но в саду началось какое-то движение. Пулеметчики вскочили и замерли по стойке «смирно». Через минуту к ним подошли офицеры. Один из них выглядел особенно антуражно: фуражка с золотым ободком на черном лакированном козырьке, с правого плеча свешивается золотой аксельбант, на боку – коричневый планшет, в руке – длинный стек. Он явно принадлежал к старшему командному составу, а таких людей надо убирать из военного строя в первую очередь.

Выстрел румыны слышали. Но им, вероятно, не сразу в голову пришло, что у русских работает снайпер. Личный адъютант генерала Антонеску, прибывший недавно вместе со своим начальником на фронт под Одессой, майор Георги Караджа, даже не вскрикнув, повалился набок. К нему бросились пулеметчики. Это – еще два метких выстрела. Четвертый, бронебойный, – все-таки в замок пулемета.

Теперь враги не сомневались. Снайперская засада была ими обнаружена. Румыны открыли бешеный огонь из винтовок. Потом к ним прибавились залпы минометов. Когда вокруг засвистели пули и осколки мин, Людмила прижалась к толстому стволу, но вскоре поняла, что он – плохая защита. Пять деревьев – не вековой карельский лес, в котором трудно что-нибудь разглядеть в вершинах сосен-исполинов. Куски горячего металла тут летали, подобно смертоносному рою, сбивая листья, разламывая тонкие ветки. Предчувствие страшной опасности кольнуло сердце, будто игла. Младший сержант, чтобы спасти оптику, повесила винтовку на сук, который торчал пониже, и ринулась вниз, решив так имитировать собственную гибель.

Она упала неудачно, ударившись правым боком о чей-то могильный камень. Сама подняться не сумела из-за сильной боли. Солдаты второй роты помогли своему снайперу не сразу. Воспользовавшись суматохой у противника, они пошли в атаку на деревню, и поскольку румынский пулемет молчал, то быстро взяли ее.

При майоре Караджи нашли какие-то штабные бумаги, письма, фотографии. Ценность представлял дневник адъютанта. Его передали в штаб Приморской армии, оттуда – в Москву. Записки офицера о тяжелом моральном состоянии румынской армии, столкнувшейся с яростным сопротивлением русских под Одессой, опубликовала газета «Правда» в октябре 1941 года...

Командир первого батальона 54-го стрелкового полка капитан Иван Иванович Сергиенко относился к снайперу второй роты Павличенко очень хорошо. Он знал ее с первых дней службы, у него на глазах красивая и беззаботная студентка превратилась в закаленного бойца, осторожного, но не ведающего страха. Как наградить младшего сержанта за своевременно подбитый пулемет, за точный выстрел в румынского майора, случайно появившегося на переднем крае? Как отметить ее новое достижение – 100 уничтоженных солдат и офицеров противника?

Сергиенко отправил рапорт в штаб 25-й Чапаевской дивизии, и оттуда через неделю пришел ответ. Капитан, вызвав к себе Людмилу, сказал, что ей теперь надо ехать в посе-

лок Дальник, к самому комдиву. Она испугалась встречи со столь высоким начальством. Но комбат успокоил: командование никаких претензий к Павличенко не имеет. Наоборот, хочет ее поощрить. К тому же она сможет лично представиться командиру 25-й дивизии генерал-майору Ивану Ефимовичу Петрову.

В своих «Записках снайпера» Людмила Михайловна вскользь упомянула об этом эпизоде. Она вообще была человеком очень скромным, даже застенчивым, и о наградах рассказывала неохотно. Но ее знакомство с генералом Петровым, который вскоре стал Главкомандующим Приморской армии, после этого продолжилось и в Севастополе. Сохранилась фотография, датируемая весной 1942 года. На ней Павличенко сидит рядом с тогдашним командиром 25-й дивизии генерал-майором Коломийцем и Иваном Ефимовичем Петровым. Впоследствии он стал одним из известных и заслуженных полководцев Великой Отечественной войны. О нем с большим уважением отзывался корреспондент газеты «Красная Звезда» писатель Константин Симонов. Он посетил село Дальник почти одновременно с Людмилой.

«Петров приехал с передовой, – вспоминал Симонов. – Одна рука у него после ранения плохо действовала и была в перчатке. В другой руке он держал хлыстик. Он был одет в солдатскую хлопчатобумажную летнюю гимнастерку с неаккуратно пришитыми, прямо на ворот, зелеными полевыми генеральскими звездочками и в запыленную зеленую фуражку. Это был высокий рыжеватый человек с умным усталым лицом и резкими, быстрыми движениями. Он выслушал нас, постукивая хлыстиком по сапогу...

Петров был человеком во многих отношениях незаурядным. Огромный военный опыт и профессиональные знания сочетались у него с большой общей культурой, широчайшей начитанностью и преданной любовью к искусству, прежде всего – к живописи. Среди его близких друзей были превосходные и не слишком обласканные в те годы официальным признанием живописцы. Относясь с долей застенчивой иронии к собственным дилетантским занятиям живописью, Петров обладал при этом своеобразным и точным вкусом.

По характеру он был человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестким. Однако при всей своей, если так можно выразиться, абсолютной военности он понимал, что в строгой военной субординации присутствует известная вынужденность для человеческого достоинства, и не жаловал тех, кого приводила в раж именно эта субординационная сторона военной службы...

Храбрость его была какая-то мешковатая, неторопливая, такая, какую особенно ценил в людях Лев Толстой. Дав и вообще в повадке Петрова было что-то от старого боевого кавказского офицера, каким мы его представляем себе по русской литературе XIX века...»¹²

Если военные корреспонденты ожидали от комдива рассказа о боевых делах солдат и офицеров, и он выделил для беседы с ними 20 минут, держался строго и сухо, то с младшим сержантом 54-го полка был добродушен и внимателен.

Петров сообщил Павличенко, что командование дивизии благодарит ее за службу и за успехи в уничтожении противника награждает именной винтовкой. Адьютант передал снайперу оружие. Людмила, взяв его в руки, благоговейно прикоснулась губами к вороненому стволу, как будто это была не стандартная заводская самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года с прицелом «ПУ», а рыцарский меч, откованный в кузнице по особому велению государя. Генералу понравился поступок девушки, и он заговорил с ней: расспрашивал о службе, о семье, о родителях, о том, чем она занималась до поступления в армию.

Задушевный разговор с комдивом имел последствия. Через неделю Людмиле было присвоено очередное воинское звание «сержант». Командир полка поручил ей командовать отделением и готовить метких стрелков. Мысленно она вернулась в киевскую школу ОСО-АВИАХИМа и постаралась взглянуть на кандидатов глазами своих наставников: «Снайпер

¹² Цит. по: Карпов В. Полководец. М., 2011. С. 73–74.

должен обладать обостренным зрением и слухом, повышенным уровнем наблюдательности и своеобразным «звериным чутьем», позволяющим ему предугадывать движения противника...» По личному опыту она знала, что для выработки «звериного чутья» требуется (естественно, при определенных врожденных способностях) никак не меньше четырех месяцев упорных занятий.

Но сейчас, когда кольцо вражеской блокады сжималось вокруг Одессы теснее и теснее, о таком сроке для подготовки не могло быть и речи. Командир пообещал Павличенко отпустить десять солдат, которых она отберет, в ближайший тыл максимум на неделю и дал... 500 патронов с «легкой» пулей образца 1908 года. Ведь чтобы научиться стрельбе, надо стрелять по мишеням. Утром, днем, вечером, стоя, лежа, с колена, «по-пулеметному», то есть положив ствол на какую-либо опору и придерживая приклад у плеча левой рукой.

Кроме стрельбы, она рассказывала новичкам о своем военном ремесле. Но лишь самое простое. Например, собственное оружие надо не только знать, но и любить. Полетом пули можно управлять, а для этого – правильно держать винтовку, правильно вычислять расстояние, правильно целиться. Стрелок должен обращать внимание на все: силу ветра, его направление, температуру воздуха. Также неплохо было бы при этом замаскироваться и нанести удар по врагу быстро и неожиданно...

Любовь к оружию – дело священное. Но бывает, что сердцу не прикажешь. Никакой сердечной склонности не испытывала Люда к самозарядной винтовке Токарева образца 1940 года, хотя теперь она была у нее именной, подаренной самим командиром дивизии, который при личной встрече произвел на сержанта неизгладимое впечатление. Она подумала, что он – прирожденный офицер из семьи офицеров. На самом деле отец Петрова был сапожником в городе Трубчевске, но сумел дать сыну хорошее образование.

Нельзя сказать, что «Света» являлась для нее образцом совсем уж незнакомым. По штатному расписанию в стрелковом полку тогда числилось 1301 магазинная винтовка образца 1891/1930 года и 984 самозарядных винтовок СВТ-40 или АВС-36 (автоматическая винтовка Симонова образца 1936 года). АВС и СВТ имели примерно одинаковые параметры: калибр, длина, вес, коробчатый магазин (у АВС – емкость магазина 15 патронов, на 5 больше, чем у СВТ-40), тип затвора, принцип действия автоматики, начальная скорость пули.

Конечно, генерал-майор Петров преподнес снайперу улучшенный экземпляр винтовки Токарева: с прикладом и цевьем из орехового дерева, со стволом особо точной обработки, выполненной на прецизионном станке, с оптическим прицелом, на трубке которого была красиво выгравирована памятная надпись. К тому же ружье изготовили до войны, в сентябре 1940 года, что гарантировало применение марок стали весьма высокого качества и как следствие – надежность всех его деталей.

А насчитывалось их 143 штуки. Небольших, мелких, очень мелких. Автоматика действовала с помощью пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по стволу. В СВТ-40 они попадали в газовую камеру, расположенную над стволом, и там давили на цилиндр с длинным штоком. Шток же соединялся с толкателем, который упирался дальним кольцом в стебель затвора.

Винтовка начинала «огрызаться» (например, не перезаряжалась или с трудом выбрасывала гильзы), если давление пороховых газов менялось. Зависело оно, между прочим, от погоды, от температуры воздуха. Тогда стрелку следовало вручную отрегулировать отверстие в газоотводной камере: уменьшить или увеличить его. Капризничала «Света» и при слишком густой смазке, и при попадании пыли в ее механизм. Последнего не всегда удавалось избежать, поскольку место пехотинца при обороне – окоп, вырытый в земле, и земля эта в степи под Одессой была мягкой и рыхлой. Она легко превращалась в пыль под артиллерийским или минометным обстрелом...

В середине октября 1941 года румынские войска, получив подкрепления, повели наступление в Южном секторе обороны Одессы, в районе села Дальник – Болгарские хутора – деревня Татарка. Здесь занимали позиции 25-я Чапаевская стрелковая дивизия и 2-я кавалерийская дивизия. Отбивать вражеские атаки помогал дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Небоженко. «Катюши» громили противника, а после их налета в дело вступали наши стрелковые и конные полки. Но захватчики не ослабляли напора, бросали в бой новые и новые части.

Яростные схватки происходили юго-западнее деревни Татарка 11, 12 и 13 октября. Командир 11-й румынской пехотной дивизии И. Теодореску, чьи воинские соединения вели эти бои, впоследствии вспоминал: «Реакция противника была исключительной сильной, в особенности на северных окраинах... Советы вели автоматный и пулеметный огонь из домов, чердаков и погребов. Со стороны противотанкового рва вели огонь минометные батареи. Легкая артиллерия обстреливала наши резервы и штабы. Противник предпринял три контратаки против левого фланга Второго полка, который удерживал северную часть деревни...»

Румыны подошли близко к передовой линии 54-го полка.

Подготавливая очередную атаку, они ударили по русским позициям из минометов, причем – весьма прицельно. Может, их корректировщик заметил мощную дульную вспышку снайперской СВТ-40. Может, обратил внимание на громкий звук выстрела. И то и другое, к сожалению, являлось характерным для действия самозарядной винтовки Токарева.

Мины упали перед огневым рубежом второй роты. Они накрыли бойцов дождем осколков и комьев мягкой степной земли. Волна пыли покатила на их пулеметные гнезда, окопы, траншеи. Павличенко поспешила прикрыть «Свету» полый плащ-палатки, однако все равно затвор при нажатии на спусковой крючок не сработал. Помянув черта, сержант склонилась над ружьем и попыталась устранить неисправность. Каска мешала Люде. Она сняла стальную шлем и положила его на дно окопа.

Новый залп румынских минометов донес до снайпера тонкий и острый осколок. Он прорезал кожу на голове у Людмилы с левой стороны, под волосами. Кровь обильно потекла по лбу, залепила левый глаз, попала на губы, и Люда ощутила ее солоноватый привкус. Она поняла, что получила ранение, но скорее всего – легкое. Достав санитарный пакет из нагрудного кармана гимнастерки, снайпер кое-как перебинтовала голову. Кровотечение приостановилось, но боль нарастала: рана жгла, саднила и как будто тянула кожу на всей голове.

На помощь сержанту пришла санинструктор второй роты Елена Палий, студентка второго курса Одесского мединститута, в сентябре добровольцем вступившая на службу в Красную Армию. По приказу капитана Сергиенко Палий доставила раненого снайпера в дивизионный медсанбат № 47. Здесь осколок удалили, рану зашили. Людмила полагала, что скоро вернется в родную воинскую часть и будет дальше защищать Одессу, но это был ее последний бой на войне в причерноморской степи.

Две недели назад, то есть 1 октября 1941 года, вице-адмирал Левченко и начальник оперативного отдела штаба Черноморского флота капитан второго ранга Жуковский доставили в Одессу секретную директиву Ставки, подписанную Сталиным: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуироваться на Крымский полуостров...»

Действительно, к концу сентября обстановка в Северном Причерноморье резко осложнилась. Гитлеровцы, овладев Донбассом, начали наступление на Крым. После ожесточенных боев они прорвались через Перекопский перешеек. Полуостров оказался изолированным с суши. Возникла угроза потери Севастополя – главной базы Черноморского флота. Потому дальнейшая оборона Одессы, оставшейся в глубоком тылу противника, теряла

смысл. Черноморский флот, который обеспечивал обороняющихся оружием, продовольствием, боеприпасами, перевозя их с Кавказа, не мог действовать на двух направлениях.

Советские генералы разработали план, по которому покидать легендарный город воинские соединения Приморской армии должны были одновременно, совершив короткий марш-бросок от своих позиций в пригородах Одессы прямо на корабли Черноморского флота, стоявшие у причалов морского порта. «Час икс» наступал в ночь с 15 на 16 октября. Подготовка к этой десантной операции велась скрытно. Противника старались дезинформировать, жителям города и воинам, защищавшим его, ничего не сообщали.

К началу Великой Отечественной войны наш флот доминировал на Черном море. Он имел в строю: 1 линкор, 6 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 47 подводных лодок, 4 канонерских лодки, 2 минных заградителя, 15 тральщиков, 84 торпедных катера, 10 морских охотников за подводными лодками и вспомогательные суда.

Одесская десантная операция им была проведена блестяще.

До 14 октября из осажденного города вывезли до 50 тысяч человек (войска, раненые, гражданское население), 208 орудий, около 900 автомашин, более 3200 лошадей, 162 трактора, тысячи тонн заводского оборудования. Перед этим боевые корабли не раз поддерживали мощным огнем своих орудий сухопутные воинские части Южного, Западного и Восточного секторов обороны.

К одиннадцати часам вечера 15 октября 1941 года, совершив трудный ночной двадцатикилометровый марш-бросок, солдаты и офицеры 25-й, 95-й, 421-й стрелковых дивизий и 2-й кавалерийской дивизии вместе с вооружением стали прибывать в Одесский морской порт и грузиться на транспорты в пунктах посадки, для них назначенных. Так, большая часть «чапаевцев» эвакуировалась с причала № 17 на Платоновском молу, другая часть — с причалов Нефтегавани. Они поднимались по трапам на борт трех теплоходов-сухогрузов: «Жан Жорес», «Курск» и «Украина». Каждые сорок пять минут на суда переходила тысяча бойцов, каждые полтора часа — две тысячи. По трапам же доставляли станковые пулеметы и небольшие полковые минометы калибром 50 мм. Пушки поднимали грузовые стрелы сухогрузов. Затем их размещали в трюмах судов. Зенитные орудия — на палубе сухогрузов, чтобы при необходимости отбивать нападения фашистской авиации.

«В ночь на 16 октября оживление в Одесском порту было необычайное, — спустя десять лет после данного события вспоминал генерал армии и Герой Советского Союза И. Е. Петров, в то время уже командовавший не 25-й дивизией, а всей Приморской армией. — Со всех прилегающих улиц и переулков потоками стекались войска, направлялись к своим кораблям, стоявшим у пирса. Хотя и требовалось соблюдать полную тишину, однако войск оказалось так много на сравнительно ограниченном пространстве Одесского порта, что уберечься от суеты, шума и гомона массы людей было невозможно. Личный состав Одесской военноморской базы на погрузке проявил величайшую организованность. Не обошлось, правда, и без курьезов. Был случай, когда два ротозея при погрузке свалились с пирса в воду, но их быстро вытащили моряки. Отдельные отставшие солдаты, нарушая общий порядок, блуждали по пристани, разыскивая свои части, и так далее. Но все это не мешало своевременно и полностью закончить погрузку...»

В караване «Одесса — Севастополь» находилось около 120 судов. Впереди шли крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ», охранявшие теплоходы, на которых находились основные силы Приморской армии. Эсминцы «Бодрый» и «Смышленный» двигались в арьергарде каравана вместе с транспортом «Жан Жорес», «Украина», «Калинин», «Чапаев», «Абхазия», «Армения», «Грузия» и другими. Вражеская авиация дважды нападала на караван. Его успешно прикрывали наши самолеты, поднявшиеся с аэродромов в Крыму. Потопить немцам удалось сь только старый пароход «Большевик», который отставал из-за

своих изношенных двигателей. Суда прибыли в Севастополь 17 октября вечером и пришвартовались в Стрелецкой бухте.

На севастопольской земле

Прекрасный белый город, еще не опаленный жарким дыханием войны, представился Людмиле во всей своей строгой, воинственной красе. Он раскинулся на берегах нескольких бухт, и вход в главную из них охраняли два старинных форта: Константиновский и Михайловский. Их мощные белокаменные стены с бойницами отражались в спокойных водах гавани. На вершине Центрального холма в лучах солнца сиял голубым куполом Владимирский собор – усыпальница четырех адмиралов, героев первой обороны. Посреди кудрявых аллей Исторического бульвара стояли скромные монументы павшим воинам Четвертого бастиона, Язоновского редута, батареи Костомарова, а также многофигурный памятник генералу Тотлебену и его храбрым саперам, которые успешно вели подземно-минную войну с англо-франко-турецко-итальянскими войсками, что в 1854 году осадили Севастополь.

Одесса была много больше, ярче, разнообразнее. Темп жизни в ней задавал торговый порт, принимавший суда из десятков стран. Однако заграничные пассажирские лайнеры, сухогрузы или танкеры не могли даже приближаться к главной базе Черноморского флота. Лишь серые узкие корпуса советских эсминцев, тральщиков, сторожевиков занимали причалы Южной бухты, стояли на ремонте у молов Морского завода имени Серго Орджоникидзе.

Снайпер 54-го полка сравнивала Севастополь не с разудалым морячком, сошедшим с палубы какого-нибудь заморского «купца» в Одессе, а с суровым воином, сжимающим в руках оружие и зорко всматривающимся вдаль. На южных рубежах Отечества он отвечал за его покой и безопасность.

В 1941 году население Севастополя достигало 114 тысяч человек. Кроме исторических памятников первой обороны он был известен Институтом физических методов лечения имени Сеченова, принимавшим пациентов со всей страны, Биологической станцией Академии наук СССР, знаменитой системой своих аквариумов и уникальной коллекцией живых рыб Средиземного, Черного и Азовского морей, обитающих в них. В городе имелся один драматический театр, три кинотеатра, два музея, картинная галерея и 13 библиотек, в том числе – Морская библиотека, основанная в 1822 году по инициативе и на средства офицеров Черноморского флота...

Севастополь гостеприимно встретил бойцов и командиров Приморской армии. Для раненых и больных здесь развернули госпитали примерно на три тысячи койко-мест. Тем защитникам Одессы, кто в лечении не нуждался, но устал от окопной жизни, от беспрерывных и яростных схваток с фашистами, предоставили возможность помыться в бане, сменить белье и обмундирование, отоспаться, отдохнуть.

Однако этот отдых получился недолгим.

Шел пятый месяц войны. Вражеские полчища уже вторглись в Крым. Их надо было остановить. Воинские соединения Приморской армии 21 октября 1941 года погрузились в эшелоны и по железной дороге отправились из Севастополя на север полуострова, чтобы встретить захватчиков на Ишуньских позициях.

Людмила осталась в госпитале, поскольку рана еще не зажила. С перебинтованной головой ее отпускали на прогулки по двору лечебного заведения, по ближайшим улицам и даже к морю, чтобы подышать свежим морским воздухом. Снайпер с интересом рассматривала окрестности города: скалы у береговой линии, холмы, овраги между ними, заросшие деревьями.

Из ровных степных пространств, к которым она привыкла и хорошо приновилась, Людмила вместе с родной 25-й Чапаевской дивизией вдруг переместилась в совсем иные края. Живописные, но невысокие густые леса покрывали северные покатые склоны крым-

ских гор. К югу они выходили отвесными каменными уступами, которые кое-где нависали над прибрежными долинами. Глубокие впадины, или, по-местному, «балки», между горными высотами чередовались с полями – здешний пейзаж имел довольно сложный рельеф. Он скрадывал, зрительно искажал расстояния, а они важны для снайперской работы.

Из Одессы Павличенко уехала, имея на личном счету 187 вражеских солдат и офицеров, уничтоженных за два с половиной месяца. Результат, достойный восхищения. Впрочем, такие достижения при упорной позиционной войне случались и у других сверхметких стрелков. Например, знаменитый участник Сталинградской битвы Василий Зайцев за полтора месяца истребил 240 гитлеровцев. В своей книге воспоминаний «За Волгой для нас земли не было» (Москва, 1981) сын сибирского охотника рассказал, что важным условием для его успеха явились два обстоятельства: малые расстояния для стрельбы (от 50 до 200 метров) и плотные боевые порядки противника.

Примерно так же складывалась ситуация и у Павличенко под Одессой. Во-первых, степь с ее отличной видимостью при ясных, солнечных днях в начале черноморской осени. Во-вторых, массированные атаки румын, которые шли на советские позиции во весь рост в сомкнутом строю или в густых цепях, представляя собой хорошие мишени. Конечно, к этому надо прибавить профессиональное мастерство, превосходное владение оружием, точный глазомер, солдатскую уд ачу.

Однако никакой награды, кроме именной винтовки да сержантского звания, за свои подвиги Людмила Михайловна тогда не получила, хотя некие стандарты в этом деле уже существовали. Например, на Финской войне нашим бойцам за 25–35 убитых противников давали либо медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», либо орден Красной Звезды. Но трагическим летом 1941 года при отступлении Красной Армии, иногда просто паническом, ее командованию было не до соблюдения таких формальностей. Награждали очень скупой и часто – посмертно.

Вот и в Крыму, на Ишуньских позициях, советские войска продержались недолго. Им не хватало боеприпасов, поддержки артиллерии, о танковых атаках, за которыми бы двигалась пехота, приходилось только мечтать.

Уже 26 октября 1941 года германская Одиннадцатая армия под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна вырвалась на просторы полуострова. Фашистская механизированная нечисть, окрашенная в болотный цвет, имеющая черно-белые кресты на бортах, жужжа моторами и звеня железными гусеницами, покатила по ровным степным дорогам на севере Крыма. Приморская армия отступила к Симферополю, затем повернула на юго-восток и дошла до Алушты, Ялты, Симеиза. Отбиваясь от наседающего противника, ее воинские соединения по горным и лесным дорогам шли к Севастополю. Командарм Приморской армии вместе со своим штабом прибыл в город 4 ноября.

Боевые действия на дальних подступах к Главной базе Черноморского флота начались раньше – в четверг, 30 октября. Четырехорудийная батарея береговой обороны № 54 под командованием лейтенанта Заики открыла огонь по колонне немецких бронетранспортеров, самоходок «StuG III Ausf» с короткими пушками, мотоциклов с колясками и автомашин с пехотой, двигавшихся по дороге к деревне Николаевка. Колонна от города Саки по западному морскому побережью прорвалась на восток. Оккупанты полагали, будто Красная Армия уже уничтожена и в Севастополь они войдут без боя.

Батарея № 54 израсходовала 62 снаряда калибра 102 мм. Артиллеристы стреляли метко. На дороге остались разбитые грузовики, сгоревшие мотоциклы, бронетранспортеры, лишившиеся хода, и много убитых солдат в куртках мышиного цвета. Через два часа фрицы повторили нападение, но снова были отбиты. Триумфальное шествие по Крыму гитлеровской армады закончилось. Теперь ее ждали ожесточенные, изнуряющие, кровопролитные схватки за каждую пядь земли с доблестными защитниками города-героя.

В воскресенье, 2 ноября, вражеская авиация совершила десять налетов на оборонительные рубежи, корабли в бухтах и городские кварталы. Бомбы разрушили пять жилых домов. Под развалинами погибли девять мирных жителей, более сорока человек получили ранения разной тяжести. Прикрывая Главную базу ЧФ, летчики-истребители Ципалыгин и Феоктистов сбили два «юнкерса». Еще один «приземлили» зенитчики...

Немцы с первых дней ноября пытались взломать оборону города на дальних рубежах.

Например, 5-го числа им удалось овладеть селениями Бююк-Отаркой и Гаджикой, 6 ноября вражеская пехота, поддержанная танками, штурмовала село Дуванкой и вытеснила оттуда наши части. Также противник захватил высоту Ташлык и село Черкез-Кермен, расположенное недалеко от нее. 7 ноября на участке 2-го Перекопского батальона и 3-го полка морской пехоты фрицы нанесли сильный удар по хутору Мекензия. Данный хутор в конце XVIII века действительно принадлежал контр-адмиралу Российского императорского флота Томасу Мак-Кензи, по своему происхождению шотландскому горцу. Но после 1917 года он стал общенародной собственностью, в нем располагался лесной кордон № 2.

Фашисты расстреляли семью лесника и по-хозяйски разместились в доме. Они полагали, будто это одноэтажное строение скоро останется у них в глубоком тылу, и господа офицеры смогут приезжать сюда на охоту. Однако русские остановили их наступление примерно в полукилометре от кордона при огневой поддержке береговых батарей №№ 10, 19, 35. Особенно мощно били орудия калибра 305 мм, установленные на 35-й башенной батарее. Но сам хутор остался в руках у захватчиков.

Он являлся важным пунктом всей обороны.

С потерей хутора возникала реальная угроза прорыва противника к Северной бухте и в долину Кара-Коба, что привело бы к расчленению боевых порядков защитников Севастополя. Советское командование это понимало. Рано утром 8 ноября генерал-майор Петров и комендант береговой обороны генерал-майор Моргунов прибыли на Мекензиевы горы, чтобы лично руководить подготовкой атаки. После артиллерийской канонады в бой пошли бойцы 7-й бригады морской пехоты и двух приданных ей батальонов. Они выбили немцев с высоты 137, 5, прилегающей к хутору, а сам хутор все-таки освободить не смогли.

Между тем части и соединения Приморской армии продолжали прибывать в Севастополь. Они занимали свои места на оборонительных позициях, разделенных на четыре сектора. Третий сектор обороны располагался на пространстве Мекензиевых гор, между реками Бельбек и Черная, от железнодорожного полустанка «Мекензиевы горы», вдоль деревень Камышлы (совр. село Дальнее) и Бююк-Отаркой до хутора Мекензия. Комендантом сектора стал командир 25-й Чапаевской дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец. У него в подчинении находились 54-й и 287-й стрелковые полки, 3-й полк морской пехоты, 2-й Перекопский полк МП и 7-я бригада МП. Командный пункт этого сектора размещался в отдельных дворах юго-восточнее станции «Мекензиевы горы». Огневые рубежи для войск были хорошо подготовлены. Всего вырыто 1460 метров траншей и ходов сообщения, 447 землянок и блиндажей, обустроено 8 артиллерийских ДЗОТов (деревоземляных огневых точек) и 31 пулеметный¹³.

Людмила Павличенко, получившая очередное звание «старший сержант», присоединилась к родному полку, наконец-то добравшемуся до Севастополя, 9 ноября 1941 года. В первом батальоне она не нашла многих своих сослуживцев. Бои на Ишуньских позициях дорого достались «разинцам». Например, получил тяжелое увечье и был отправлен в тыл комбат Иван Иванович Сергиенко. Его место занял старший лейтенант Григорий Дромин, прибывший вместе с маршевым пополнением. Может, он и был человеком смелым, только по внешнему виду – очень угрюмым, малоразговорчивым, необщительным.

¹³ Здесь и далее все данные по: *Ванеев Г. И.* Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Киев, 1995. Ч. I, II.

Старший сержант Павличенко была назначена командиром снайперского взвода, который ей еще предстояло создать из недавно поступивших в полк солдат. Женщины на строевых должностях в армии представлялись Дромину совершенно ненормальным, даже абсурдным явлением. Но лейтенанту доходчиво объяснили, что таково повеление высшего начальства, с коим старший сержант знакома накоротке, и он тотчас оставил ее в покое, не собираясь ни хвалить, ни ругать, и уж тем более – награждать.

Впрочем, не сразу довелось Людмиле заняться обучением новичков. Обстановка на переднем крае к тому не располагала. На участке села Шули – Верхний Чоргунь – Черкез-Кермен – хутор Мекензия без конца происходили короткие стычки и перестрелки. Фрицы проверяли крепость русских огневых рубежей. Наша разведка доносила, что гитлеровцы к концу дня 10 ноября сосредоточили у Севастополя значительные силы: три пехотные дивизии 50-ю, 72-ю, 132-ю, 118-й моторизованный отряд и румынскую мотобригаду, 13 дивизионов полевой артиллерии, более 150 танков и 300–350 самолетов. Также к ним подходили моторизованные части 22-й пехотной дивизии. Один из отвлекающих ударов генерал-полковник фон Манштейн предполагал нанести на стыке второго и третьего секторов нашей обороны: хутор Мекензия – высота 269,0.

Особенно яростные столкновения у хутора развернулись 11, 12 и 13 ноября. Перед бойцами и командирами 54-го полка стояла задача овладеть хутором, выбить оттуда фашистов. Поначалу наступление развивалось успешно. Наши части отбросили противника, но он ввел в действие резервы численностью до одного полка пехоты, и таким образом остановил атаки «разинцев» и бойцов 7-й бригады морской пехоты, плечом к плечу сражавшихся вместе с ними.

Первый штурм Севастополя продолжался почти 25 суток. Несмотря на численное превосходство, массированное применение авиации и танков, которых у защитников города не было, захватчикам удалось лишь на 3–4 километра потеснить советские войска в первом секторе обороны (восточнее рыбацкого поселка Балаклава) и на 1–2 километра в третьем секторе в районе деревень Дуванкой, Черкез-Кермен и хутора Мекензия.

Отбиваясь от врага, наша артиллерия выпустила примерно 20 тысяч снарядов, ее действия реально помогли доблестной севастопольской пехоте. В огневой поддержке участвовали также 11 кораблей Черноморского флота, израсходовав более двух тысяч снарядов. При ведении такого огня 12 ноября 1941 года затонул крейсер «Червона Украина», который стоял на якорях в Южной бухте недалеко от Графской пристани. Его разбомбила немецкая авиация. Все попытки экипажа спасти легендарный корабль ни к чему не привели.

Наши потери при первом штурме составили 16 493 человека убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Почти шесть тысяч раненых удалось вывезти морем на Кавказ, а оттуда вовремя доставить людские пополнения, боезапас, вооружение и снаряжение.

Немцы потеряли около 15 тысяч солдат и офицеров, 150 танков, 131 самолет и на некоторое время успокоились, однако не отступили. Главнокомандующий Одиннадцатой германской армией генерал-полковник Эрих фон Манштейн доложил фюреру, что Севастополь оказался первоклассной крепостью, которую без длительной подготовки взять штурмом невозможно...

Воскресное утро 25 ноября выдалось сумрачным, хмурым.

На фронте наступило затишье. Оба противника вели редкий, беспокоящий артиллерийский, минометный и пулеметно-ружейный огонь, оставаясь на своих позициях. В частности, 54-й и 287-й стрелковые полки, 3-й полк морской пехоты и 2-й Перекопский полк МП находились на один километр западнее хутора Мекензия, на высотах 319,6–278, 4–175,8. Это были возвышенности, заросшие лесом: вяз, клен, бузина черная, дикая яблоня – с густым подлеском: грабинник, колючка «держи-дерево», можжевельник. Кое-где кустарник был вырублен, кое-где сожжен, кое-где остался цел и невредим.

Нейтральная полоса, с двух сторон обозначенная окопами, извилистыми ходами сообщения, участками с противотанковыми рвами, минными полями и колючей проволокой, достигала ширины в 100–150 метров. Она тянулась на многие километры с востока на запад по крымским равнинам и горам от берега моря у рыбацкого поселка Балаклава до реки Бельбек, мелкой и бурливой.

Впрочем, выходы на нейтральную полосу и даже переходы через нее существовали. Почти незаметно ее можно было пересечь на Мекензиевых горах, то есть по гребню Камышловского оврага и соседней с ним Темной балки. Эти места хорошо знали разведчики, ходившие в тыл к фрицам за «языками». Людмиле тоже предстояло их изучить, а пока она рассматривала лес в бинокль и слушала пояснения лесника с кордона № 2 Анастаса Вартанова, чудом избежавшего смерти в начале ноября, когда немцы захватили хутор Мекензия.

Интереснейшие вещи рассказывал ей старый егерь, всю жизнь прослуживший в лесничестве. По его словам, ходить по лесу и ориентироваться в нем легко, ибо деревья обладают характерами и своеобразной внешностью, по которой он различает их. Деревья не боятся ветра, гуляющего на высоте 310 метров чуть ли не каждый день. Но они боятся осеннего тумана, когда облако молочного цвета тихо опускается на гребень горы, сковывая окрестности холодом и мертвящей тишиной.

В окуляры снайперского бинокля попадали то мощные сероватые стволы дубов скальных, то бурая бороздчатая, с продольными трещинами кора векового вяза, или, по-крымски, «карагача», то светло-желтые, похожие на раскрытую человеческую ладонь листья кленов, кое-где уцелевшие на кронах, то серая паутина тонких ветвей «держи-дерева», с прямыми и загнутыми колючками.

Осенний лес был красив необычайно. Он притягивал к себе, завораживал. Он представлялся ей идеальным местом для маскировки и вовсе не идеальным – для меткой стрельбы. Куда полетит пуля, ведь она не заяц, чтобы петлять между стволами? Как правильно вычислить расстояние до цели при оврагах, невидимых из-за буйно разросшихся кустарников?

Старый егерь словно бы прочитал ее мысли. Он сказал, что по лесу надо ходить каждый день, и тогда она легко высчитает все расстояния. Лес надо полюбить, почувствовать его, мысленно разговаривать с ним, и он ответит. ... если захочет. То где а ее он скроет от врагов, а ей врага покажет. Павличенко безмерно удивилась таким словам, но другого инструктора по действиям в лесу сейчас у нее не имелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.